

ЛАНА ФРАНТ

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МАГИЯ

II

ПОГРУЖЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Франт
Элементарная Магия.
Книга 2. Погружение
Серия «Элементарная Магия», книга 2

*<https://litres.ru/73546601>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Три пути — одна бездна.

Мир Эдварда рушится. Ана опасается за хрупкое счастье. Кай идет по следу смертоносных тварей, не зная, что в конце пути его ждут отнюдь не ответы на вопросы...

Безопасности больше нет. Ошибки и недомолвки прошлого обнажаются. У каждого выбора есть цена. И когда придет время, этой ценой станет то единственное, ради чего еще стоит оставаться человеком...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	38
Глава 3	63
Глава 4	86
Глава 5	110
Глава 6	140
Глава 7	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Элементарная Магия.

Книга 2. Погружение

*В стенах, что возвел сам,
Нет места чужакам.
Сладко спит твоя душа:
Никто не захватит трон.
Гордыня в небесах,
Самомненья – океан.
Но нагрянет ураган –
Рухнет все: столп за столпом.
Мы ждем от тебя шоу:
Ты падешь, как Иерихон.
Celldweller – Jericho
Вольный авторский перевод*

Пролог

Небо над головой подобно отрезу атласной ткани. Никаких затяжек, зацепок, неровностей. Нежно-васильковое, умиротворяющее, *идеальное*. Бело-золотое солнце, как мать гладит по макушке свое чадо, проливает ласковое тепло на головы тех, кто пришел проститься с несвоевременно ушедшими в Иное и ступившими в вечное служение Магии.

Элла не спускает саваны с лиц детей. Пламя обнимает Мари и Камерона в последний раз. Несмотря на летний зной и

жар родной стихии, она мерзнет.

Спины касается дуновение ветерка. Элла оборачивается к последней, кого Огонь обратит в пепел – над серо-голубым саваном, расшитым серебряными нитями, склоняется мальчик. Хотя ему всего двенадцать, он уже равняется ростом с миссис Спарк, а янтарные глаза блеклые, как у взрослого, повидавшего многое на своем веку.

– Ты уверен?

Рука Эдварда замирает над саваном. Мальчик качает головой.

– Необязательно, Эдвард, – Элла сжимает его ладонь и отводит в сторону, когда он решается поднять ткань. Не нужно сыну видеть, во что превратилось лицо его прекрасной матери. – Твой отец поправится, тогда и развеете прах.

Мальчик поднимает глаза на Эллу, но смотрит сквозь нее.

– Это я сделаю.

Его голос ломается – не только из-за переходного возраста. Бабушка Эдварда уводит его от тела матери, чтобы Элла завершила начатое. Горечь противным комом оседает в горле, за грудиной невыносимо колет. Пламя ложится на Мию Экхарт, пламя хрипит за спиной, пламя оборачивает компрессом холодеющее сердце.

Неправильно родителям хоронить своих детей. Неправильно подросткам хоронить своих родителей.

Внучка хмурится. Мимика, бледно-зеленые, серьезные, бесстрашные перед солнцем глаза и пляшущая в зрачках по-

ка еще робкая Огонь – взяла лучшее от матери. Элла готова сгореть в собственном пламени. Прямо сейчас. Вместе с дочерью.

Маленькая, худая, как щепка, бледная поганка – совсем не Спарк. Вся в отца, который еще и разбаловал ненаглядную дочку. Не успели родители остыть, Ана нашла поддержку в сердобольном дедушке. Подумать только, восемь лет, только стала сиротой, а первое, что просит – вторые проколы в мочках! И Михаэль ведь не против поддержать девчачью прихоть, хоть и пока ограничились левым ухом, в которое Ана тут же сунула золото.

Элла вздыхает. Вопреки расхожему мнению и прилагающимся привилегиям, не все желают родниться с Элементами. Родные Камерона из таких. Хватит одной руки, чтобы посчитать те разы после свадьбы сына, когда они снисходили до встреч со Спарками, а про существование внучки они вспоминали лишь в ее День Рождения. Всегда запаздывая с поздравлением.

Единственный, кто связывал два семейства, догорает. Не нужно и думать о том, чтобы передать опеку над Аной другим. Нет больше Огненной, что научит девочку управляться с капризной стихией, живущей в столь хрупком теле.

Гнев и бессилие душат. Было бы лучше, будь Ана полной копией Камерона. Элла могла бы представить, что воспитывает чужого ребенка с откуда-то взявшейся Огонь в жилах, а не то, что осталось от дочери.

Ана сжимает морщинистую руку Михаэля. Раньше его голову украшала густая темная шевелюра с небольшой проседью. Он кашляет в носовой платок, красные пятна остаются на ткани. Душа Эллы воет.

«Магия, за что ты так со мной?» – Огненная смотрит в небо, не ожидая ответа.

Пухлощекий мальчишка осторожно, но смело, даже нагло, подкрадывается к Ане и вежливо откашливается, привлекая ее внимание.

– Привет.

– Мы знакомы? – настороженно спрашивает Ана.

– Пару раз виделись. Но давно. – Мальчишка неловко переминает с ноги на ногу. – Я Флауверс. Вали, – он протягивает руку.

Средний сын Мирры, ну конечно. Не самый тихий, но точно самый любознательный. Элла покачивает головой, замечая, как натянута рубашка на животе мальчишки – одна пуговица держится на честном слове. Земным следует пересмотреть рацион собственных детей, так ведь и до травли недалеко.

С сомнением и медленным узнаванием Ана отвечает на приветственный жест.

– Я слышал от мамы, – негромко говорит Вали, – что ты теперь в моей школе будешь учиться.

Ана противно морщится.

– Лето же! Какая школа?! – она зажмуривается, пытаясь

приостановить слезы. – И вообще, если ты не заметил, мне сейчас не до этого. Я не каждый день родителей хороню.

Вся в отца – Камерон тоже в моменты отчаяния шутил грубо и невпопад. Но даже для его уровня юмора слова слишком жестокие. Есть вещи, над которыми лучше не шутить – тебе с них полегчает, а остальным причастным придется вынимать иглы из-под ногтей. Элла уже начинает.

– Прости, – почти черные глаза Вали сочувственно блещут. – Я просто хотел сказать, что если мы будем учиться вместе, то... давай найдем друг друга в первый день? Новеньким всегда сложно. Я покажу тебе, где и что находится. Помогу чем смогу.

Внучка горделиво поднимает подбородок, слегка оттягивает скорбные платки на шее и смотрит на догорающие тела. Из вежливости Ана кивает, но всем видом дает понять Вали: она не хочет продолжать диалог.

Тень вышагивающей Эллы падает на Флауверса, когда единственная дочь Мирры вылезает из толпы и, согнувшись, подбирается к брату. Она хватает его за локти.

– Простите, миссис Спарк, – запальчиво шепчет Аяна и уводит младшего брата. Напоследок он одаривает Эллу испуганно-восхищенным взглядом.

– Мне жаль. Правда, очень...

Впервые за неделю она улыбается не натянуто и от чего-то приятного. Хороший мальчишка, добродушный, сопереживающий. Достанется же его сестре, уже не девочке, а юной

красивой девушке, за то, что не уследила.

Тела горят долго. Элла осматривает толпу и обнаруживает, что двоих не хватает. С Мэттью все понятно, ему предстоит долгий больничный. Но где временно назначенный Верховный?

Тамил стоит поодаль, на холме, прячась в тени деревьев. Один. Полностью в черном. Два скорбных платка, золотой и серебряный, сдавливают ему шею, но он игнорирует неудобство.

Удивительно то, что у Огонь и Воды, двух противоположных стихий, может быть хоть что-то общее. Ни та, ни другой не любят, когда посторонние становятся свидетелями их слабости. Разница в подходах. Огненные прячут свои слабости за полуулыбкой и негромким смехом, страшась, что стоит чуть-чуть отпустить контроль, как стихия накинется на мир негаснувшим пожаром и люди потребуют снести виновникам головы с плеч. Водные отстраняются и погружаются в собственную тьму за тем, чтобы пережить горести.

Там, где их не увидят, так, как умеют, с тем, кто знает их лучше всех – с самим собой.

Глава 1

29 августа

Особняк Экхартов

Молочная газировка сглаживает насыщенность травяного ликера, но усиливает его сладость, отчего еще больше хочется пить. Долгожданное опьянение, в котором можно забыться и потеряться на несколько часов, не наступает. Едва приходит первое головокружение, щеки загораются некрасивым сероватым румянцем, тревожные мысли отступают на дальний план, а тепло разливается по желудку, как все резко обрывается. Алкоголь выветривается, оставляя ощущение разбитости и полной неудовлетворенности.

Если Воздушным ввести капсулу блокиратора, то заблокируется и особенность трезветь за минуту. В последнее время Эдвард все чаще обращается к мысли протестировать технологию на себе. Хотя бы неделю, уйти в отпуск, побыть обыкновенным человеком, без особенностей и постороннего голоса в голове.

«Ты не пробовал жить без невидимости и чтения. Не сможешь».

Эдвард намешивает себе еще один коктейль, пока перед глазами проносится праздник, на котором он явственно ощущает себя ненужным. Музыка слишком простая, без-

опасная, скучная и не вдохновляющая. Большая часть гостей – всего лишь контакты в списке «работа», которых, тем не менее, из-за связей и кураторства не пригласить на торжество посчиталось бы дурным тоном. Дресс-код слишком официальный, не по настроению Воздушного. Пожалуй, только еда и напитки не позволяют окончательно пасть духом и найти в этом маскараде хоть какую-то отдушину.

Спустя почти два месяца в нападении Подводницы Эдвард находит плюс – все, кто пытается с ним заговорить и понимая, что собеседником он быть не собирается, списывают это на «возможные остатки яда», «долгую реабилитацию», «посттравматический синдром» и прочую, не являющуюся правдой, но очень удобную ахинею.

Раньше одно упоминание чудовищ пробирало Экхарта до дрожи. Он высматривает в толпе Кая – первостепенную причину изменения отношения к Подводницам.

После крушения теплохода Эдвард ни дня не думал о том, что мог спасти хоть кого-то от трагичной участи. Уберечь маму, Спарков, даже случайного незнакомца. Ему было двенадцать, но рост, какая-никакая физическая сила и сверхспособности уже тогда были при нем. Спустя тринадцать лет, оказавшись так близко к Подводнице и чуть не умерев от яда, страх отступил, а спасение Кая, оставившее полосы шрамов во всю спину, стало сродни закрытому гештальту. Пришло принятие и два поочередно сменяющихся желания – истребить или исследовать.

«Может, все же рассмотреть идею Тамила? Порадовать старика».

Он слышит, как фырчит стихия.

«Сентиментально. Мне не нравится, как он смотрит на нее».

Эдвард глухо усмехается.

«Что смешного? На мальчишнике ты по-другому среагировал».

«С твоей подачи».

Теперь усмехается Воздух.

«У меня в стихии заложено насмехаться над Водой. Ты выбираешь, кого слушать».

Снова Эдвард слышит эти слова и качает головой. Насколько же это утверждение не совпадает с реальностью. Он выбирает, кого слушать, но почти всегда это тот, кто за отказ пойти на поводу выбьет его из равновесия.

«Для Воздуха ты удивительно плохо слышишь».

Хоть Кай и практикуется в абстрагировании, но получает-ся так себе – слишком открытый, вдумчивый и любопытный.

«Я Воздух, я хорошо слышу. Я просто не понимаю человеческую натуру», – признающая неправоту и оправдывающаяся стихия кажется Экхарту забавной.

«Тогда как ты понимаешь, кто тебе нужен?»

Вместо ответа Воздух слегка ударяет в висок, и Эдвард морщится.

Когда он впервые увидел, как Кай обнимает Ану, утешая

ее в стенах больницы, Эдвард прочувствовал момент ревности и противоречия на максимум. Вода и Огонь, более странный союз представить сложно. Из всех стихий, если бы не существовало закона, Огонь больше всех подходит Воздух и наоборот. Воздух держит под контролем, Огонь – согревает.

– Или Воздух затушит Огонь, – пытался вразумить его Мэттью после того, как Совет узнал об запретных отношениях. – Или Огонь раскалит Воздух до предела. Элементом нельзя быть вместе! Мы не восполняем друг друга, а дополняем.

На вопрос, как в таком случае оценивать перспективу объединения Огонь с братом Земли, такой же противоположной стихии, Мэттью разозлился и чуть не ударил сына.

– Потому что сыновья Земли *люди*!

Очередной стакан коктейля опустевает, Эдвард делает еще один.

Отец знал о них с Анной, но предпочел наблюдать. Рассчитывал на осознанность их обоих, на то, что отношения останутся всего лишь страницей истории без трагичного конца для Солена. Пока так оно и есть, если Дали не окажутся чересчур упрямыми в поиске компромата.

Эдвард знает о ссоре Кая с Тамилем и о причине. По-хорошему, вопросы о ненападении Подводниц на обоих Поло и закрытом для стажера-Элемента архиве надо поднять на собрании. Но младший Поло намерен копать, и Воздушному интересно, к чему это приведет. А знание пускай пока будет

kozyрем.

«Почему именно к ней он напросился?».

«Потому что доверяет. А меня он теперь боится».

Очередная девушка подходит к Каю, чтоб увлечь его и пригласить на танец. Он вздыхает и с видом уже плохо скрываемого раздражения, отчего приобретает сходство с ворчливым отцом, отказывается и выходит в сад. В стеклянных дверях он сталкивается с Аяной. Она приобнимает младшего Поло, заставляя его удивиться такому радушию, и, потирая ладошки, направляется на поиски родных.

Эдвард издалека слышит ее смех. Слишком довольная. Он настраивается.

«Он здесь!»

«Когда он успел прийти?»

До последнего Эдвард надеялся, что Вали Флауверс окажется умнее и проигнорирует приглашение на свадьбу. Переоценил. Осознание, что он сейчас в саду *его* дома, с Аной, действует, как вылитый на голову чан с кипятком. Сердце ускоряется, его ритм отдается глухой болью в ушах, а ладони непроизвольно сжимаются в кулаки. Дуновение ветра ерошит волосы, холодок пробирается до корней и касается кожи.

Если бы не Кейт, Эдвард сию секунду вылетел бы в сад...

«Чтобы что?»

Работающая над собой Ана теперь иначе смотрит на их отношения. В частности, на последние два года.

– Ты в порядке? – Кейт садится напротив.

Эдвард смотрит на уже не невесту – супругу. Кейт отстегнула юбку от платья, демонстрируя то, что под ней пряталось – белые шорты солнцеобразного силуэта, аккуратные туфли на низком каблуке и красивые длинные ноги. Он поднимает взгляд выше, чтобы увидеть обрамленное светлыми волосами лицо: милые щеки (на правой едва заметная ямочка), губы, с которых сошла помада, блески на скулах и – самое прекрасное – большие зеленые глаза. Любой бы на его месте прыгал от счастья.

Он глубоко выдыхает и признается – в первую очередь себе:

– Ты слишком хороша для меня и всего этого, – он обводит взглядом зал и веселящихся людей. – Прости.

Эдвард опускает голову и смотрит на живот Кейт, где уже формируется новая жизнь.

– Не за что извиняться, – девушка тактично игнорирует необязательность, с которым Воздушный произнес слово «прости», – это во-первых. Я тоже на это подписалась. Ты честно во всем признался, за что я тебе... благодарна.

«Такая себе честность».

– А во-вторых? – Эдвард знает наперед, что она скажет, но хочет продолжение диалога – он отвлекает от мысли, что где-то там в саду главная любовь его жизни, на чей голос откликнулись обе части сущности, начинает новую историю. Он едва касается оголенного бедра Кейт и рисует на нем за-

витки.

– Во-вторых, все это, – уже жена многозначительно оглядывает окружение, – не означает, что нам должно быть плохо. Ты говорил, мы можем друг друга не ненавидеть. Давай к этому стремиться.

Эдвард позволяет себе улыбнуться. Если бывает оптимизм рациональный, то Кейт его амбассадор – прямо как ее отец и ветряная энергетика.

Он почти соприкасается холодным носом с ее губами. Уголки рта приподнимаются, Кейт осторожно целует его – ощущение, как от щекотки мягким пушистым перышком. Внизу живота появляется приятное, если не сказать, желанное тепло.

Воздуху Кейт может не нравиться, но человек постепенно ей проникается, принимая ситуацию. Во многом потому, что Эдвард находит сходства между Кейт и Анной, теперь не только в цвете глаз, а что-то и вовсе он бы хотел увидеть в Огненной.

23 июля

За день до записи подкаста

Эдвард не любит транспорт – своим ходом всегда быстрее, – но статус обязывает соблюдать приличия. Пользование ав-

томобилем роднит Элемента с людьми, показывая им, что он «свой», а присутствие рядом человека – в его случае невесты – сводит на нет попытку воспользоваться типичным для Воздушных способом перемещения. Кейт хотела бы, но не в нынешнем положении.

– Укачивает? – Эдварду не нравится ее поза – она упирает локти в колени, склоняет голову и смотрит в пол. Кожа лица зеленеет, нос напряженно дышит.

– Немного. Больше душно.

Водитель останавливается. Эдвард укладывает невесту на спинку сидения, массирует шею, виски и мягко охлаждает воздух вокруг нее.

– Еще не поздно вернуться.

– И что подумают люди, если я не появлюсь?

– Плевать. Завтра и так все узнают, – он гладит ее живот.

Он предпринимает еще несколько попыток убедить Кейт вернуться домой и не ставить под угрозу себя и ребенка, но она упрямо настаивает на присутствии в реабилитационном центре. Эдвард сдается и подает сигнал водителю двигаться дальше.

Раз в квартал Воздух и Огонь, как два самых капризных в плане разделения Элемента, посещают реабилитационные центры для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в психологической помощи. Дети и подростки, страдающие от травли в школе и насилия в се-

мье, жертвы домашних тиранов, пострадавшие от несчастных случаев и просто потерявшие себя в погоне за жизнью, которую принято считать эталонной – родился, отучился, нашел призвание, построил карьеру, завел семью. Насколько бы ни было сопряжено существование Солено не только с Элементами, но и стремлением к комфорту, на пути к нему может случиться что угодно – то, что либо убьет человека физически, либо уничтожит изнутри, оставив лишь оболочку, которая теряется и после не понимает, что делать дальше.

Ранее целью Аны и Эдварда в таких мероприятиях были встречи с подопечными, направленные на поднятие духа. Поездки заканчивались относительно быстро – пока стажеры выполняли отведенную им роль, Полноправные договаривались с управляющими о финансировании, ремонте, выделении новых кадров и прочем. Сегодняшний визит, обычно занимающий от силы два часа, не считая дороги, рискует растянуться – и подписывать чеки, и развлекать несчастных придется им обоим.

Но Эдвард недолго сожалеет, что рядом нет отца, и скучная работа свалится на его плечи – Кейт оказывается максимально заинтересованной в делах центра. Это удивляет, и он радуется, что не удалось убедить ее вернуться домой.

Как спортсменка, она первая обращает внимание на питание, отметив недостаток витаминов и местами игнорирование особенностей подопечных.

– Почему на обед и ужин дается только один вид гарнира

и основного блюда? Если у подопечного аллергия на рыбу, думаете, он сможет догнаться фруктами?

Шеф-повар признается, что ранее меню было разнообразнее.

– Врач-диетолог ушла на пенсию уже как два месяца. Нового пока не нашли.

– В чем сложность следовать составленным им планом питания до прихода нового врача? А еще, я заметила, что подопечные не вовлечены в физические активности, по большей части предоставлены сами себе. Что навещающие приносят им сигареты, когда большинство подопечных страдает от депрессии.

Руководитель приюта, миссис Файн, женщина средних лет, как будто намеренно одетая в простой льняной костюм, поглаживает кольца – по три на каждой руке – и нетерпеливо ожидает, когда Кейт закончит тираду.

– Вместо того, чтобы налаживать диету и физическую активность подопечных, вы игнорируете тот факт, что они имеют в доступе мощный депрессант. Нельзя в реабилитации рассчитывать только на медикаменты, это комплексный подход. В тренажерном зале я встретила всего двух человек – без тренера, что опасно!

Миссис Файн откашливается и неуверенно противостоит напору.

– Понимаете, помимо врача-диетолога, нашему центру не хватает и тренеров. У нас он один-единственный и сейчас

находится на больничном – потянул спину. Ему уже за пятьдесят, сами понимаете, возраст.

Кейт сдерживает негодование, поджимая губы и похрустывая костяшками пальцев.

– Миссис Файн, – Эдвард подает голос, – почему мы узнаем о нехватке персонала только сейчас?

– Вы долго восстанавливались после нападения Подводницы, мистер Экхарт...

– Вот я здесь, вернулся к обязанностям.

– Миссис Файн, – Ана вступает в разговор. Эдвард настраивается на ее волну – и слышит звук трескания дров в костре. – Допустим, вы беспокоились об Эдварде и не хотели докучать ему, пока он проходил лечение. Есть я, вы могли обратиться ко мне.

– Мисс Спарк, на вас так много навалилось...

– И Мэттью некоторое время замещал Эдварда. Имея опыт побольше нашего, он бы не отказался посодействовать. Знаете, что я думаю?

Миссис Файн мотает головой, все присутствующие повторяют за ней.

«Даже я не знаю», – думает Эдвард. Теперь она постоянно отгораживается от мыслевмешательства.

– Я думаю, что дело не в том, что вы решили проявить понимание к нам и нашим проблемам. Если посмотреть на данные бухгалтерии, – Ана достает из папки стопку бумаг и поднимает заранее подготовленную и лежащую сверху рас-

печатку к своему лицу, – в штабе ребцентра до сих пор числится врач-диетолог, а тренеров не один, а три. Подозрительно, что они все – ваши однофамильцы.

«А она подготовилась. Ловко», – Эдвард допускает момент восхищения и стыдит себя за то, что не поступил подобным образом. Оказывается, в посещении центра есть место не только обучению мальчишек музыке, но и изощренному веселью. Например, раскрытию коррупционных схем. Эдвард приглядывается к миссис Файн – бледная, дрожит, вертит на пальце кольцо. Он не помнит, чтобы видел его раньше. Оно и не требуется – чтец уже настроился на крашенную в оттенок бургунди шевелюру женщины и впитывает ее мысли.

– Новое украшение, миссис Файн?

Она стыдливо прячет руки, но солнечный лучик, пробившийся сквозь жалюзи, подсвечивает бриллиантовые грани.

– Кейт, у тебя же сохранились контакты с кафедрой? – Эдвард поворачивается к невесте. – Узнаешь, есть ли желающие поработать в ребцентре?

– Уже кинула клич, – она машет смартфоном. – Я написала еще и профессору, он поговорит с деканами медицинского.

Ана воодушевленно хмыкает.

– Получается, проблема кадров решится за плюс-минус неделю?

Они впервые смотрят друг на друга после невзрачного

приветствия на крыльце, и Эдвард не удерживается от сравнения. Хотя обещал Воздуху таким не заниматься.

– Возможно, если желающие найдутся быстро, – Кейт отвлекается на отклик уведомления. – Не новый тренер, но тоже хорошо. Макс не против организовать пробный турпоход вдоль Цепи. Естественно, под надзором. Центр находится у подножия горы, а подопечные дальше сада не выходят.

Чем-то они похожи и дело не только в цвете глаз. Они обе загораются, когда им что-то интересно, и не угасают до тех пор, пока дело не будет доведено до конца. Если что-то не нравится, но деваться некуда, ищут пути безболезненного принятия. В сравнении Эдвард доходит до того, что представляет пламя внутри Кейт. Достаточно прокачать язвительность – и в каком-то из вариантов Параллельного Солена она могла бы быть Огненной. А порой ее пламя, человеческое, ярче, чем у истинной Огонь.

– Я рада, что ты с нами, – Ана и Кейт обмениваются одобрительным кивками.

Эдвард задумывается – если думать о Кейт в таком ключе, получится ли полюбить ее? Ему кажется, что на контрасте с Аной ее пламя, человеческое, сейчас посильнее настоящей Огонь. Ана давит ее, пряча под огнеупорной тканью – когда она снова начала ее носить? – и утаивая, вместе с мыслями, за треском дров.

Обратно на свадьбу

«Фу».

– Первый скрининг на следующей недели? Хочу пойти с тобой, – Эдвард поднимается выше по бедру и касается живота.

– На первом скрининге не скажут пол, но я думаю, что это мальчик. На мясо тянет, – в подтверждение она тянется к мясной нарезке и с аппетитом, будто это лучшая еда на свете, поедает несколько кусочков вяленой грудинки.

«Удивить или не стоит?»

– Отец рассказывал, когда мама была беременна мной, – его голос слегка дрожит, – она объедалась шоколадом. – Эдвард сглатывает, одновременно жалея, что поднимает тему потерянной семьи, и испытывая подобие облегчения от возможности хоть с кем-то о них поговорить. – А когда сестрой, то она постоянно ела говядину. В какой-то момент меня уже тошнило от нее, настолько часто подавали на стол.

Кейт откладывает очередной кусочек нарезки и смотрит на мужа с выражением абсолютной потерянности. Он слышит ее переживания, крутящиеся в голове волнительным вихрем.

– Но, – он спешит ее успокоить, – хочешь интересный факт? Трем из четырех стихий почти всегда везет родить первенцем будущего Элемента. Так что не переживай, что

человеческие мифы о беременности на нас не работают, – Эдвард подмигивает и утирает слезинку, которая уже готовилась скатиться на щеку.

– А кому не везет?

Он кивает в толпу, заранее найдя в ней Флауверсов – живое доказательство того, что Магия была существом с крайне специфическим чувством юмора.

– Они долго стараются, – горько усмехается Воздушный. – Зато никогда не одиноки.

«Кире сейчас было бы тринадцать. Возможно, даже сегодня».

Эдвард прикусывает губу, складывает ладони в замок и кладет их на колени, отбивая пяткой агрессивный ритм.

– Ты же читаешь меня? – на вопрос Кейт он стыдливо кивает. – Тогда ты знаешь, что иногда меня пугаешь.

– Когда выпускаю ветер.

«Когда *ты* забываешь, что я твой носитель, а не наоборот».

Снова укол в висок.

Ее руки касаются его лица. Она проводит большими пальцами по линии подбородка, гладит скулы и убирает упавшую на лоб челку. Эдвард смотрит ей в глаза и видит глянцевые блики. Внутри все клоочет от диссонанса. Он слышит фразу до того, как Кейт ее произносит:

– А вот такой Эдвард мне симпатичен.

Воздух молчит. Воздушный его не ощущает, хотя он дав-

но не принимал таблетки для заглушения. По коже бегут мурашки, тепло внизу живота становится тяжелее, а голова, наоборот, легчает. Голоса и звуки вокруг стихают.

Нечто подобное происходило, когда он прочитал Ану после того, как она впервые его заворожила, выбив признание.

«В такую легко влюбиться».

Он подается вперед и целует Кейт. Сначала робко, почти как школьник, потом наглея, забывая, что они не одни. Желание нарастает, появляется мысль наплевать на гостей, праздник и прихотливую стихию, увести жену наверх и закрыться от посторонних глаз и ушей.

Лишь огненная вспышка в саду, ударившая по векам, а затем и влетевший с криками Кай спускают его с небес на землю.

– Аяна!

Воздух пропитывается терпким ароматом горения. Круг пламени сужается и растет в высоту, яростные искры летят во все стороны, словно смертоносные колючие конфетти. Из стен огненной ловушки доносится крик боли и искаженный голос Аны.

– *Где он?!*

Встревоженные гости высыпают наружу. Флауверсы в составе Аяны, Малика и Диаса единым целым преодолевают толпу зевак, но скоростные передвижения – преимущество Воздушных.

Эдвард первым оказывается на месте происшествия. Представшая перед ним картина шокирует, отсылая его к событиям прошедшего лета.

Ана, обнимаемая пламенем, крепко держит запястье Флауверса. Вязкий желтый воск стекает на садовую плитку и пачкает кожаные лоферы.

Вне Совета Вали Флауверс – единственный, кто знает о запретной связи двух Элементов. Раван, хранитель Далей, сдержал обещание и подослал к Ане Воскового шпиона, выбравшего очень удачную жертву для обращения.

Эдвард испаряется, чтобы вернуться через секунду. Сбьющимся от страха сердцем он подкрадывается со спины. Частично тушит пламя, чтобы не обжечься. Вырывает плавающее запястье Воскового из руки Аны, немного поморщившись от горячего прикосновения огня, застегивает на нем наручники и выдергивает из ловушки. Ладони стягивает быстро затвердевающая бархатная пленка.

Хамелеон поворачивается к Эдварду. На лице, усеянном пузырьками и подтекающему от повышенной температуры, появляется усмешка.

– Это из набора для ваших игр?

Даже мурлыкающий голос Флауверса шпион копирует идеально – не отличить от оригинала. Эдвард берет его за воротник рубашки, закрывает ему рот ладонью и заглядывает в поддельные темные глаза – ничего, кроме злорадства, в них не наблюдается.

– Не можешь прочитать? – бурчит Хамелеон.

Народ Далей – не люди, лишь имитация. То немного, что они позаимствовали и приняли от тех, кого копируют – эмоции и неутолимая жажда самоутверждения. Они живые свечи – гибкие, пластичные, без физиологических особенностей в форме естественных жидкостей и сознания, по которым Водные и Воздушные способны прочитать людей и понять истинные мотивы.

Эдвард отнимает ладонь от лица Воскового, не спуская с него глаз. Он не способен прочитать его. Не может узнать, где он спрятал Флауверса и сколько времени осталось до того момента, когда он превратится в свечу, а незванный гость заменит жертву, навсегда приняв тело и воспоминания.

Но есть то, что Восковой не знает об Эдварде. Одним уголком рта он улыбается от осознания преимущества и почти детского восторга от того, как были не правы все, кто говорил ему, что такое увлечение не только оскорбительно, но и бесполезно.

Эдвард наклоняется к горячему уху Воскового и надменно произносит:

– Большое Озеро?

Много лет он слушает музыку из Далей – дерзкую, агрессивную, бесцеремонную альтернативу, не похожую ни на что, что создают соленцы. Она отражает сущность Восковых, их характер и мировосприятие. Их самый излюбленный прием, помимо ритмичных гитар и мощных ударных – простой

и понятный символизм. Нет ничего банальнее, чем спрятать возлюбленного Аны там, где нити связали их друг с другом.

Хамелеон округляет глаза и ошарашенно открывает рот.
«Пускай думает, что прочитал».

Эдвард хлопает по карманам костюма Воскового, находит смартфон и останавливает запись звука. Шпион еле слышно рычит, но ухмылка тут же возвращается. Успел ли он передать сведения в Дали или блефует, желая вывести его на эмоции, остается гадать. Воздух не любит загадки.

– Это я конфискую, – Эдвард прячет смартфон. Восковой саркастично пожимает плечами.

На негнущихся ногах Аяна подходит ближе, Воздушный видит сцену в саду незадолго до появления младшего брата.

«Она – зажигалка, а он – свеча... кто меня за язык тянул?».

Диас отталкивает сестру, приближается и почти оглушает Эдварда:

– *Где он?!* – он стремится вырвать Хамелеона из рук Воздушного, что в состоянии неистовства удастся. Диас грубо толкает Воскового на землю, садится на него сверху и хватается за лацканы пиджака с такой силой, что швы расходятся.
– *Говори!*

Несмотря на то, что Восковой загнан в угол, разоблачен при многочисленных свидетелях и подвержен опасности от всех Элементов и разъяренных братьев, он смеется, будто все еще держит туз в рукаве.

– Подожди часик-другой и будет здесь, – он кивает на себя и получает несколько ударов кулаком в лицо. Вмятины держатся пару секунд, после чего нос, скула и кожа распрямляются, разглаживаются и возвращаются в приличное состояние.

Эдвард решает вмешаться – не из жалости, из-за страха, что время на исходе.

– Он на...

– *Проще!*

Огонь в гневе, она же добавляет визга и перегруза томному голосу Аны. Плавающая Огненная обходит Эдварда, борющихся Диаса и Воскового, опускается на колени, отчего нитки на разрезе платья лопаются, оголяя пару сантиметров кожи, и прикладывает ладони к щекам шпиона. Неживая плоть лужицей растекается под его головой, а крики оглушают до противного звона в ушах.

– Остановись! – вопит Аяна, пытающаяся схватить ее за запястья вызванными из-под земли корнями, но морщится от боли, которую передает ей сгорающая древесина. – Он нужен!

Струйка воды, скромной нитью тянущаяся из автоматического опрыскивателя для растений, дотягивается до рук Аны, заставляя их шипеть и испускать пар, а пламя спрятаться обратно в носительнице.

Кай опускается на колено рядом с ней и кладет ладони на пылающие плечи – прикосновение к Огонь не грозит Вод-

ным ожогами.

— Ана, только он знает, где Вали, — он подается ближе, язычки пламени освещают сосредоточенное юношеское лицо. — Мы можем очень долго искать, если ты его расплавишь, а становится холодно. Вали может погибнуть от обморожения.

Восковому требуются сутки, прежде чем он станет почти полноценной заменой жертве. В том случае, если удастся вовремя разрушить их связь, через убийство Хамелеона или разобращение, пострадавший просыпается замерзающим и ему необходима долгая реабилитация. Эдвард вспоминает день, когда обратили Кейт, сколько времени ей потребовалось, чтобы восстановить естественную температуру тела, и вздрагивает. От серьезной степени обморожения ее спасла июньская жара, но конец августа в этом году крайне осенний.

Пламя окончательно успокаивается и скрывается. Ана поднимает голову и упирает взгляд в Эдварда:

— Ты узнал?

Ее глаза наполняются слезами. Она скалится, дрожит от негодования и страха, пытается подняться на ноги. Ана открыта, и Эдвард впервые жалеет, что не слышит треск поленьев, за которым она прячет мысли. Он не видит ничего, кроме ее ненаглядного возлюбленного и неистового желания расплавить засланца.

«Меня она так не любила, как готова броситься на амбразуру ради него».

«Обмани».

Не время для ревности, личных переживаний и приказов от Воздуха.

– Большое Озеро. Сколько времени осталось, не знаю, – на выдохе произносит Эдвард. – Судя по его поведению, – он указывает на Воскового, – немного.

«Говнюк», – пульсирующая боль появляется в затылке.

Аяна достает смартфон, открывает диалог с Вали и сверяет время отправки последнего сообщения с текущим.

– Если это писал ты, – низким голосом говорит она, обращаясь к Восковому, – то чуть больше часа.

У всех Флауверсов, кроме мужа Земной и ее малолетних дочек, одинаково темные, ониксовые или обсидиановые глаза. Когда магическая сущность Аяны показывает, что она тоже здесь и порой хочет выйти, зеленые блики создают впечатление блуждающих огней в наводящей страх темноте.

Диас поднимается с Воскового и грубо ставит его на ноги. Он и более сдержанный, но не менее обозленный Малик берут его под руки и ведут к парковке. Аяна и Ана следуют за ними. Эдвард потирает напряженные виски и делает шаг.

– Нет...

«Твою ж Магию».

Кейт протискивается сквозь толпу замерших гостей. Она видит застывший воск на плитке, смотрит на Флауверсов – ненастоящий Вали подмигивает ей, – прикладывает ладони ко рту и начинает задыхаться.

Эдвард подлетает к ней, заключает в объятия и крепко прижимает к себе.

– Дыши, дыши. Все хорошо, – он берет лицо Кейт и смотрит в глаза. – Слушай меня. Дыши. Он уходит. Дыши носом. Медленно вдыхай и выдыхай, – он гладит ее шею, массирует горло, делится с ней дыханием. В атмосфере ощущается осенняя влажность. – Все хорошо. Ты в безопасности.

Кейт хватается ненадолго:

– А если он не один?

Только Огонь может ответить на этот вопрос.

В отчаянии Эдвард оборачивается и смотрит на Ану. Их взгляды пересекаются.

– Прошу, – шепчет он одними губами.

С расстояния она не слышит, но все понимает. Пламя окружает зрачки. Ана смотрит на удаляющихся Флауверсов и с облегчением выдыхает – Восковой среди них только один.

– Мне надо проверить гостей, – кричит она вслед.

– Но Вали нужна Огонь!

Сестринские чувства Аяны борются с долгом перед безопасностью Солено и его жителями. Она смотрит на гостей, на паникующую беременную Кейт, проникается сочувствием, содрогается и плачет, что крайне редко себе позволяет.

Ана берет ее за руку и крепко сжимает:

– Я догоню. У меня есть крылья.

– Я поеду, – вызывается Кай и в несколько прыгающих

шагов оказывается рядом. – Это озеро, я могу пригодиться.

Такой расклад устраивает Земную, и спасательная делегация выдвигается на поиски.

Гости собираются в зале, где всего несколько минут назад пили, ели и танцевали до упаду. Музыка смолкла, все взволнованно перешептываются. Эдвард изо всех сил абстрагируется от лишних звуков и чужих мыслей.

Нарядные люди окружают Ану, которая, приподнимая подол черного платья с очевидным зеленым отливом, встает на стул. Она возвышается над людьми, сжимает ладони в кулаки до покалывания кожи ногтями, поднимает подбородок и громко произносит:

– Это не больно. Просто смотрите на меня.

Все повинуются, Эдвард, Мэттью и Тамил тоже. Хоть Элементов Восковые не могут скопировать – половинчатость естества играет определенную роль, – но люди о таком факте в общей панике могут и забыть.

Пламя снова показывается. Оно обнимает зрачки Аны, заполняя бледно-зеленую радужку. Толпа замирает, глаза каждого из них светлеют на пару тонов и светятся, как огоньки праздничной гирлянды.

Ана медленно обводит взглядом каждого, осторожно кружится, словно балерина из музыкальной шкатулки, когда часть гостей проходит проверку и настает очередь следующих. Она изо всех сил старается не моргать, чтобы пламя не

спряталось и не пришлось ворожить повторно, а значит, потерять драгоценное время. Веки подрагивают, с приоткрытых губ срываются слова, которые доносятся до Эдварда:

– Слишком много сразу...

Элементарные силы у Огненных не бесконечны. У них есть свой лимит использования, а в саду Ана достаточно сильно погорела. Нервное напряжение, типичное для людей в стрессовой ситуации, добивает. Она едва заметно покачивается.

– Чисто. Никаких Восковых, – наконец Огненная смыкает веки, шумно выдыхает и наклоняется вбок.

Мэттью действует на опережение и ловит ее. Он ставит изнемогающую Ану на ноги – она хватается за лацканы его пиджака и, как пьяная, едва может устоять на месте.

– Твоему пламени нужно восстановиться.

Она протестует и, все так же покачиваясь, выпрямляется.

– Мне надо лететь, – дрожащим от усталости и злости голосом произносит Ана. – Огонь придет в себя, как только увидит Вали.

«Потому что она выбрала его», – заканчивает за нее Эдвард, глубоко опечаленный необратимостью.

Рядом с ней он чувствовал себя счастливым, нужным, забывал об одиночестве и мирился с утратами и непониманием. Она принимала его, умела выслушать, умирала внутренних демонов – и человека, и Воздуха. Но все это не выдерживает сравнения с тем, что она испытывает к Флаувер-

су. О таком трепетном отношении и готовности защищать до последней искорки Эдвард даже не мечтал. Вся эта приторность не для него, он отказывался верить, что самая страстная стихия может быть настолько нежной.

Ана и Вали сошлись после злополучного фестиваля, но она ясно давала понять Эдварду, что пора прощаться, еще в злополучном ноябре. Не только из-за Элементарного свода законов. Ей было некомфортно с ним уже тогда, но иное чувство держало ее – то, которое ледяная стихия и человек не распознали.

Не обожание.

«Если бы она не закрылась...»

Он бы сложил два и два. Не принял, но понял.

Вали Флауверс очень вовремя появился в ее жизни и открыл двери в новое, другое настоящее и будущее. Где нет места Эдварду.

– Ана, – голос Тамила выдергивает его из болота собственных дум. Через шум прибоя до Воздушного доносится завершение предостережения: – Там начинается дождь.

Она замирает возле стеклянной двери, всматривается и, заметив капли на плитке, отшатывается.

– Нет, нет, *нет!*

Погода решила так. Никакого полета, никакого чудесного спасения.

Волна отчаяния и беспомощности захлестывает ее. Ана содрогается, звонко всхлипывает и начинает безудержно ры-

дать. Люди в ужасе начинают шептаться, кто-то вскрикивает. Шаркая ногами по плитке, они отходят дальше, в дальние углы зала. Когда Огонь поддается эмоциям, всем становится страшно.

Эдвард отпускает Кейт и подлетает к шипящей, как потухающий костер, Ане, прижимает к себе и дрожит вместе с ней.

– Я прикрою, – говорит он. – Возьму тебя на руки и буду разгонять дождь.

Огненная вырывается и смотрит ему в глаза. Кровяные сосуды тянутся к радужке золотыми проводками, соленые слезы стекают по щекам. Она не верит в искренность, ищет подвох, ждет жестокую шутку, но Эдвард серьезен как никогда.

У нее не осталось никого. Родители, дедушка и бабушка. Эдварда она вычеркнула из своей жизни. Остался только Флауверс.

Не ради него. Ради Аны он готов так поступить. Еще одну потерю она не переживет.

Рука отца ложится ему на плечо, и Эдвард наконец слышит не только белый шум – он слышит страх, болезненный и тяжелый, природу которого не понимает. Мэттью же читает сына прямо сейчас. Он должен радоваться тому, что Эдвард борется с Воздухом и пресекает его выбор. Почему же так обеспокоен?

– Останься с Кейт и проводи гостей. Я помогу Ане, – он обращается к Тамилу: – Ты тоже нужен. Подниму тебя на

ветряном потоке. Будешь на берегу дождь отгонять.

Порядком уставший от торжества Тамил вздыхает и обреченно кивает.

– Я стар для такого. Постарайся не сломать мне вестибулярный аппарат.

Едва они покидают особняк, и Эдвард готовится разогнать гостей, как воздух проникает в уши ветряным потоком. Крупицы пыли неистово царапают голову изнутри, в глазах появляется сухость и ощущение крошащегося стекла. Ноги становятся ватными, Экхарт падает на колени и хватается за виски пальцами, которые тотчас приобретают воздушность и исчезают в черепе.

«Я вытесню из тебя все это человеческое дерьмо!»

– Эдвард!

Глава 2

Как самый трезвый, Кай за рулем. На пассажирском сидении Диас дает вынужденный урок вождения, подсказывая ему, что делать и куда нажимать. Автомобиль спотыкается на кочках единственной широкой тропы Северного парка, подскакивает и трясется, но инструктор во всю следит, чтобы ученик не сбавлял скорость.

– Я же ее разобью, – Кай сглатывает, когда автомобиль с хрустом переезжает упавшую дубовую ветку, размалывая ее в щепки.

– Жми, – сквозь зубы говорит Диас, когда замечает, что движение замедляется, и младший Поло повинуеться.

Он смотрит в зеркало заднего вида и наблюдает лицо Воскового Вали. Шпион ухмыляется и сохраняет пугающую хладнокровность, несмотря на то что по обе стороны сидят разгневанные родственники его жертвы. Бешеное биение трех сердец оглушает. Разгоряченная кровь циркулирует по венам и слышится, как вступление к песне, которая через три секунды после начала разразится на экстремальный вокал, подкрепленный бешеными ударными.

Восковой подается вперед и заискивающе смотрит на Диаса:

– С каких пор так переживаешь за *этого* брата? Одни же плюсы, если главного умника и любимца не станет.

Диас с силой толкает Хамелеона в грудь, тот падает на спинку сиденья. Рука Малика хватается его за шею и сжимает.

– У тебя есть братья или сестры? – на заданный вопрос Восковой отрицательно мотает головой. Голос младшего Флауверса становится ниже: – Тогда не поймешь. Братьям можно сколько угодно недолюбливать друг друга, но, когда кто-то другой угрожает одному из них... – скаюсь, Малик подносит большой палец к собственной шее и проводит линию. – А если это еще и брат Элемента...

– Хватит запугивать, – холодно осекает его Аяна. Она косясь на фальшивого Вали. Каю кажется, что шпион впервые боится. – Он и так понимает, во что ввязался. Три брата, сестра – Элемент, девушка – самый опасный для Восковых Элемент. Куда ни ступи, а конец один, – и она повторяет жест Малика.

– *Трибрата*, – Диас морщится и сплевывает. Аяна не отвечает на замечание.

Кай, понявший механизм управления автомобилем и способный вести оставшийся путь без подсказок Диаса, молча наблюдает за Флауверсами. Похожие как капли воды. Разные, как снежинки, кружащиеся в вихре под названием «семья» и не покидающие его навсегда – даже когда приходит время выйти в мир и создать собственный, кристаллическая частичка остается там, откуда явилась, и не тает вплоть до самой смерти.

Ровно как у Эдварда, у Кая не было возможности состо-

яться как брат. Являясь долгожданным ребенком, к рождению которого Тамил пошел на крайние меры, он остался и единственным. Все внимание отец сосредоточил на нем, порой перегибая палку. Он не представлял сына семьям других Элементов, что уж говорить о подопечных в областях гидроэнергетики, рыбацкого промысла, науки и производства напитков. Впервые Кай познакомился с коллегами чуть больше двух месяцев назад, после совершеннолетия и вступления в Совет. Тамил тщательно следил за тем, как к нему относятся в школе. Гиперопека дошла до того, что едва звенел звонок с последнего урока, младший Поло уже знал: отец, несмотря на обязанности, приехал за ним, и лучше не заставлять его ждать, отвлекаясь на разговоры с одноклассниками.

Хватка начала ослабевать после того, как он узнал, что является суррогатом. Потерянный и обманутый, Кай отдалялся, а на заботу отца отвечал побегам и отключенной геолокацией на смартфоне и умных часах. Даже когда получилось худо-бедно принять ситуацию и выстроить доверие заново, Тамил оставался все таким же – чересчур переживающим, сдувающим каждую пылинку и мешающий своей опекой выстроить сыну хоть какие-то долгоиграющие связи вне дома.

С того момента, когда отец не ответил на прямой вопрос – почему Подводница не атаковала ни его, ни Кая, – младший Поло вновь чувствует себя девятилетним ребенком, которому открылась страшная тайна. Отличие в том, что теперь эта тайна не про него, а про единственное во всем Солено суще-

ство, которому он мог доверять и думал, что знает.

Сейчас, когда он везет Флауверсов практически в полном составе на поиски потерянного брата, его навещает мысль. Достаточно мрачная, но есть в ней что-то обнадеживающее. Отсутствие близких связей с кем-либо, кроме отца, скрытность, свойственная носителям Воды, спасает Кая от Восковых – Далям просто не от кого искать компромат на него. Его тайны под защитой.

Кай выдыхает. Ехать осталось немного.

Пара застенчивых капель становится проливным дождем. Гладь Большого Озера рябит, как помехи на экране при просмотре видеокассеты. Почва под ногами промокает и хлюпает, от быстрых шагов комья земли летят вверх и пачкают брюки. Становится холодно, осенний воздух проникает под воротник, заставляя Кая ежиться.

Не переживая об одежде ни секунды, Аяна опускается на колени и прикладывает руки к земле. Глаза наполняются зеленым светом. Земная дрожит и от страха, и от гнева, и от холода, облачка пара выходят из приоткрытого рта на выдохах.

Вода и Земля оба теплолюбивые. Приход осени для них равен почти полугоду постоянной простуды и замерзанию. Если Кай еще подготовился, надев шерстяную жилетку, то на Аяну в серо-голубом брючном костюме и тонкой блузке смотреть жалко. Он делится с ней пиджаком. Она стар-

шая, мать малолетних девочек, единственный трудоспособный Земной Элемент. Болеть ей категорически нельзя.

Ощущение холода усиливает осознание, что Ана, если и доберется по такой погоде, не сможет согреть ни их, ни Вали, жизнь которого зависит от ее пламени, а то и вовсе потухнет сама.

– Я его не вижу, – голос Аяны скрипит, зеленый свет в глазах мигает подобно сигналу светофора, пока не угасает. Слезы смешиваются с дождевыми каплями на лице. – Не вижу. Его нет.

Она поднимается, не страшивая прилипшую к коленям грязь. Корни пугливо выглядывают из-под ног и стремительно вырастают от расщепленного крика.

– *Дальский Экхарт!*

Возглас эхом разносится над берегом озера. Рогоз над поверхностью воды качается, как от урагана. Тонкие ветви плакучих ив завязываются в петли для повешения. Деревянные пирсы вторят гудящим трещанием. Корни под ногами Земной твердеют, приобретают шипы и тянутся к Восковому, обвивают его ноги и придерживают за шею сзади, чтобы тот не упал. Не из-за того, что Аяна переживает за него, наоборот.

Малик и Диас поочередно быют Воскового там, где у человека бы находились почки, пока сестра сжимает шипастый корень вокруг шеи.

– *Где он?!*

Прямые темные волосы Аяны собираются в тугие жгуты. Венки на лице зеленеют от крови и обрамляют горящие глаза Земной, становясь устрашающей карнавальной маской.

Земля бьется под ногами, лишая равновесия. Кай видит, как с неба на ветряном потоке спускается сначала Тамил, затем Мэттью неистовым ураганом приземляется с Аной на руках. Он шатается потому, как давно не летал и сколько сил в его возрасте на это потребовалось. Отец сразу формирует над Аной щит, не позволяя ливню прикоснуться к Огненной.

Кай сглатывает. Сестра и девушка в одном месте, обе – хранительницы стихий в уязвленном эмоциональном состоянии. Почти весь Совет, включая стажера и бывшего Верховного. Братья Аяны. Мэттью набирает скорую и полицию, количество людей на берегу скоро возрастет. Куда ни ступи, если Огонь и Земля покажут свои разрушительные стороны, конец один.

Не может быть, чтобы Эдвард настолько обезумел от разлуки и ревности, что решил уничтожить их всех. Кай вспоминает лицо Воскового, когда Воздушный назвал место, где искать Вали. Не прочитал, возможно, ткнул пальцем в небо, но угадал, и реакция шпиона это подтвердила.

Тогда почему земля не отвечает Аяне? Если только...

Осененный, младший Поло падает на колени и прикасается к образовавшейся лужице. Струйка с примесями грязи обвивается вокруг пальцев. Он командует ей пройти по поверхности прямо к озеру и заглянуть в него. Прозрачная

водяная змейка ловко скользит по земле, прыгая из одной лужи в другую, пока не добирается до самой крупной и не скрывается в недрах водоема.

«Быстрее, пока не поздно».

– Я буду плавить тебя, *пока не расколешься!*

Ана берет лицо Воскового. Ее руки полностью покрыты пламенем, глаза мечут искры. За спиной сами по себе вырастают крылья, над головой появляется силуэт остроклювой птицы с распушенным хохолком и изящной длинной шейей.

Одно слово, случайное движение – и Огонь выйдет наружу.

– Расплавил меня – убьешь его! – доносится визг шпиона, и Кай понимает, где Вали, а вернувшаяся водяная змейка подтверждает его догадку.

Он мчится к Ане, хватая ее за запястья и буквально отрывает от Воскового. Пламя прячется, девушка извивается и вопит, пока вокруг образуется пелена горячего пара.

– *Он в озере!*

То, что вода нашептала Каю, не укладывается в голове. Он смотрит на Воскового, чье помятое лицо снова приобретает черты Вали. То, что он сделал – чересчур даже для народа Далей.

Кай снимает ботинки с носками и обращается к Аяне:

– Ты нужна, – он берет ее за руку, оставляя всех присутствующих в недоумении, а Воскового в отчаянии.

На краю пирса младший Поло формирует вокруг них пузырь, и они ныряют.

Из-за того, что водоросли и растения на дне находятся под влиянием воды, а глубина Большого Озера составляет почти километр, они не слышали Аяну и не ответили. Здесь Земля признает превосходство другой стихии и передает ей полномочия. Пузырь преследуют стайки головастиков, сонные рыбы с невиданной прытью уплывают прочь, а пресноводные черепахи недовольно разевают беззубые пасти.

Глубина озера не позволяет температуре его вод повышаться. Здесь холодно, как в никогда не прогревающейся ледяной пещере.

Погружаясь в самые крошечные, непроглядные пучины озера, Кай ругает себя за неосмотрительность. Он может видеть под водой. Аяна – нет. И обдумывает, как поступить в сложившейся ситуации.

Придется ей подсказывать.

– Он жив?!

Кай настраивается. Вслушивается, пытаясь обнаружить в журчании воды сердцебиение. Проходит секунд пять – и раздается один гулкий слабый стук. Сердце Вали борется за жизнь, но температура тела слишком низкая, а воск проникает все глубже в кожу, стремясь вытеснить все человеческое, что есть в нем. Время идет на минуты. Кай ускоряется.

– Твою Магию... – Аяна прикрывает рот обеими руками.

Даже то небольшое, что она видит в темных глубинах, заставляет ее содрогнуться каждой клеточкой тела, а сердце упасть в пятки.

Покрытая светящимся воском фигура с золотой подвеской на шее, с приподнятыми руками и застывшей маской удивления на грани с ужасом. Из одежды на Вали только нижнее белье. Восковой побрезговал раздевать его догола, но отлично подстраховал себя на случай разоблачения, заковав жертву в металлические цепи с тяжелой гирей на конце. На запястьях, щеках и шее слои воска значительно тоньше, чем на остальной поверхности тела.

Если бы Ана расплавила Воскового, Вали даже при бешеном выбросе адреналина не смог бы спастись самостоятельно. И Кай не смог бы в одиночку вынести его на поверхность, не навредив еще больше. Металл потянет Вали вниз при попытке поднять, а учитывая хрупкость замороженного и почти воскового тела, разорвет его на части.

Кай формирует второй пузырь, чтобы полностью покрыть им голову Аяны, и лопает тот, в котором они спустились. Он находит ее руки и кладет их на цепь. Она без слов понимает, что надо сделать.

Тьму пререзают зеленые всполохи.

Металл дрожит и трещит от силы, которая ломает его структуру, и рассыпается в ржавую крошку с глухим скрежетом. Цепь освобождает Вали, Кай ловит его, вздрагивая от прикосновения ледяной восковой корки.

Настает время следующего маневра, о котором он не задумывался, когда нырял вместе с Аяной – поднять обоих без трагичных последствий и потери сил. Он снова создает пузырь вокруг нее и одним взмахом поднимает его наверх, приказывая воде действовать быстрее и в полной сохранности доставить Земную к пирсу.

Он борется с головокружением и слабостью. Мотает головой, чтобы не отключиться. Еще не время.

Когда раздается звук всплывающего пузыря, Кай перекидывает обращенного за спину, отталкивается от дна и резвым подводным течением движется к поверхности. Он видит круги на воде – они стали меньше. Дождь ослабевает.

Кай выныривает, вдыхает полной грудью влажный воздух. Ловит носом нотки земли и травы, ощущает тяжесть тела Вали, которая под водой казалось несущественной, а сейчас стремится утянуть обратно на дно.

«С Магией».

Он встает на водную гладь и бежит по ней к берегу, как по мокрому асфальту.

В их отсутствие подросли полиция и карета скорой помощи. Дождь затихает, но Тамил продолжает удерживать плач небес. Жилка на виске пульсирует, пальцы дрожат от напряжения – возраст настигает и Водного, постепенно ослабляя стихию внутри него.

Когда он слышит всплеск, а затем видит, как Кай впер-

вые, еще и с такой нестигаемой уверенностью бежит по глади озера, отцовское сердце трепещет от гордости. Тамил не раз пробовал учить его данному навыку, но сын слишком нервничал. А еще упрямо пытался бежать в ботинках, надеясь стать первым Водным Элементом, который сможет так сделать.

Едва ступив на размякшую почву, Кай поскользывается и чуть не падает. Шатаясь от усталости, он, обволакиваемый холодными влажными парами, преодолевает расстояние до медицинской каталки и вручает Вали в руки специалистов, после чего падает на колени, пытаясь отдышаться.

Малик и Диас толкают совсем обреченного и помятого Воскового к Ане.

– Плавь! – в один голос кричат они.

Глаза Огненной загораются в предвкушении кончины шпиона.

– Он может пригодиться, – Мэттью кладет руку на хрупкое плечо Аны, затем оборачивается к промокшей насквозь Аяне. – Ломай наручники.

Земная выполняет приказ и освобождает руки Воскового.

Бывший Верховный наклоняется к уху Аны – он не шепчет, просто добавляет драматичности моменту, чтобы Хамелеон на полную прочувствовал сложность своего положения:

– Угрожай, пока разбирает.

Ана беспрекословно слушает, словно Мэттью до сих пор является Верховным Элементом, раскрывает ладонь и пока-

зывает пламя.

– Хотите, чтобы он все помнил?! – верещит Восковой. – Сутки, прожитые мной с его сознанием, останутся с ним! Он увидит, как я сбросил его в озеро, и что я делал!

Восковой не за Вали переживает, а за себя. Он многого добился от своей жертвы и готов принять быструю, мгновенную смерть, как и сотни его собратьев, а не ждать ее, еще более страшную после допросов, в карцере. О методе, которым Совет избавляется от уцелевших шпионов, в Далях ходят страшные легенды. Он смотрит на Ану, ищет ниточки, за которые надо потянуть, чтобы повлиять на свою участь.

– Такого ты желаешь ему – знать и видеть, как его пытались убить?! Он сам, братья... И ты.

Тень сомнения мелькает на ее бледном лице, но пламя в глазах разгорается.

– *Не тяни время!* – она резво подпрыгивает к нему и самостоятельно ведет к изголовью медицинской каталки. Огонь проживает ткани костюма, дотрагивается до восковой кожи, но Хамелеон уже не чувствует боли, полностью поддавшись безысходности и безвыходности своего положения.

Восковой прикасается к вискам. Выжидает секунду-другую, после чего, подгоняемый огнем и агрессивно настроенными Флауверсами, дотрагивается до висков обездвиженной жертвы, которого медики уже укутывают в одеяла, и опускает голову. Лоб ко лбу.

Все замирают. Небо решает молча наблюдать за чудом.

Бледно-желтое свечение плавно перетекает из тела Вали в тело Воскового. Тот, в свою очередь, отдает ему сливочно-карамельное – в тон его кожи. Медленно, но постепенно шпион приобретает истинную форму криво слепого человека без определенных черт лица, а Вали становится самим собой. Слои воска исчезают, открывая смотрящим того, кого они так усердно искали и чье возвращение так трепетно ожидали.

Воздух трогает покрытые остатками пленки волосы. Мутная пелена исчезает из открытых глаз, короткие прямые ресницы дрожат. Из приоткрытого рта выходит сильный неполный выдох.

– Вали... – Ана тянется к нему с придыханием.

Воск полностью сходит. Кожа Вали моментально синее, приобретает мраморный рисунок и отекает. Щеки покрываются изморосью, проступают пузыри с кровянистым багрово-синими сердцевинами. Нос и уши темнеют до насыщенного фиолетового оттенка. Он пытается дышать, но получается только сипеть. Пытается дрожать и вырабатывать собственное тепло, но может лишь едва заметно содрогаться.

Медики просят Спарк и Флауверсов отойти от каталки, чтобы погрузить его в карету скорой помощи. Диас первым запрыгивает в машину, Малик следом.

Аяна хватается Ану за запястье.

– Она с нами, – проговаривает она медперсоналу, на корню пресекая попытки помешать ехать с пострадавшим не

члену его семьи.

Земная увлекает Огненную за собой. Напоследок Ана оборачивается и одними губами, смотря на промокнувшего и продрогшего Кая, шепчет:

– Спасибо...

Кай не раз встречал в книгах выражение «согревающий взгляд» в отношении персонажей, которые своей заботой, любовью и эмоциональностью способны разморозить самое холодное сердце. Получить такой от носительницы Огонь оказывается сродни горячему душу, шерстяному одеялу, чашке какао и теплоте признанию одновременно. Осознание, что сегодня он использовал особенности Элемента по прямому назначению – спас человека и не позволил одной семье и одной девушке столкнуться с горем и невосполнимой утратой, – накрывает с головой и дарит незабываемое ощущение собственной значимости.

Ана бросает быстрый взгляд, такой же пылающий и согревающий, на Мэттью и Тамила, благодаря их без лишних слов.

Едва двери закрываются, Тамил расщеплено выдыхает, роняет ладони на колени и последние капли дождя проливаются на них.

Он смотрит на Кая. Кай смотрит в ответ. Крайне странное выражение лица – гордое, просветленное, но недовольное. Младший Поло надеется, что последнее от изнеможения, а не из-за каких-то очередных неизвестных ему мыслей, идей и секретов, и выбрасывает это из головы, позволяя себе на-

сладиться моментом.

«Я не верю. Я сделал это. Сам, без него».

Диас и Малик шумно потирают окоченевшие ладони, после чего тянутся к Вали.

– Нельзя! – прикрикивает на них Ана, заставляя обоих вздрогнуть и получая недоумение и протесты в ответ. – Нельзя растирать его! Сосуды хрупкие, вы ему навредите!

Она устраивается у изголовья каталки на подготовленный складной табурет и прикасается к щекам Вали, стряхивая с них изморозь и не обращая внимания на возникающий пар.

Он здесь. Он жив. Он настолько холодный, что обжигает ее.

Осталось спасти до конца.

Ана вдыхает и выдыхает. Сосредотачивается. Велит Огонь быть максимально аккуратной. Приспускает одеяло, чтобы прикоснуться к шее Вали. К ярко-синим заледеневшим венам. И обращается к замершим в нетерпеливом ожидании Флауверсам:

– От тепла кровообращение начнет восстанавливаться, но это очень болезненно, – она сглатывает и чуть ли не плача заставляет себя продолжить: – Он может кричать и начать дергаться. Просто... следите, чтобы не так сильно, и очень осторожно его останавливайте.

Дождавшись, когда все утвердительно кивнут, Ана наклоняется, смотрит Вали в глаза и роняет слезинку ему на скулу.

– Потерпи немного, хорошо? – она заканчивает со всхлипом и произносит окончание фразы почти беззвучно.

Вали не отвечает, сухие синие губы едва шевелятся. Он не может кивнуть, даже полноценно моргнуть. Лишь по взгляду, теплomu на контрасте с телом, она понимает: он дает согласие.

Пламя медленно покрывает его, ложась на кожу оранжевым фильтром. Ана регулирует температуру, начиная с минимума, чтобы исключить болевой шок. Когда холод перестает обжигать, она добавляет градусов.

Кровь оттаивает. Неестественно расширенные сосуды понемногу сужаются, кристаллики льда царапают вены изнутри. Вали начинает дрожать, удивление на лице, с которым его обратили, сменяется болью, но он терпит. Ана ненадолго снижает температуру, чтобы он привык. Сделал вдох, выдохнул, снова вдохнул.

Потом снова разогревает.

Она хочет его поцеловать. Совсем слегка соприкоснуться губами, как в последнюю встречу. Она одергивает себя – нельзя. Одно неправильное движение может привести к повреждению кожи и усилить болевые ощущения.

Потом. Сначала спасение, потом собственные желания.

Пuls учащается. Вали дергается.

– Больно... – на выдохе произносит он, в глазах появля-

ются слезы.

Он кривит ртом, плотно сжимая челюсти. Зажмуривается, вдавливая затылок в плоскую подушку, выгибается и исходит на истошный вопль. Диас подкладывает руку ему под спину, второй чуть касается живота и аккуратно опускает его.

– Жжется!

В порыве Вали приподнимается и касается холодным носом губ Аны.

– Это нормально. Потерпи... еще немного...

Она отнимает одну руку от его плеча. Чуть касаясь, проводит ладонью по плоскому гладкому лбу, покрываемому капельками испарины. По волосам, смахивая остатки восковой крошки, и кладет его голову обратно на подушку.

Они снова смотрят друг другу в глаза. Пламя показывается, отражается в темной obsидиановой радужке закатным заревом. Ана не ворожит его. Успокаивает. Пытается хоть как-то смягчить боль от покалывания и жжения, агрессивными волнами разливающегося по его телу.

– Все будет хорошо.

Крики становятся громче.

Ана отлучается всего на час, чтобы переодеться из порванного и грязного платья в штаны и футболку. Звуки шагов в тягучей тишине больничного отделения отскакивают от стен, в окна подглядывает спящий Зеркальный. Освещение,

как подобает ночью, слабое, практически отсутствующее и создается лишь табличками с номерами палат над дверьми.

Она не посещала этот этаж башни со смерти бабушки. Неприятные мурашки бегут по коже, а память отсылает ко дню столкновения с Дуалами у Камня Слез.

Дали снова покусились на самого ценного для нее человека. Только понимание, что в этот раз попытка не обернулась для них триумфом, мешает пламени яростно вспыхнуть и уничтожить все на своем пути.

Ана подходит к палате, куда поместили Вали. Из Флауверсом бдеть возле него остался только Диас. Укрытый предоставленным отделением одеялом, он полулежит на диване, откинув голову назад, и разлепляет веки, когда слышит шаги. Темные патлы жирнятся и путаются, под опухшими глазами лежат синюшные тени и тянутся смазанные грязные дорожки от слез.

Она присаживается рядом, сохраняя небольшую дистанцию. Открывает рюкзак и протягивает ему банку энергетического напитка.

– Безалкогольный.

Стыд промелькивает в темных глубоко посаженных глазах Диаса.

– Если бы не выпил на свадьбе... *одиндальский* бокал вина... сел бы за руль и быстрее бы добрались. – Он принимает угощение. – Спасибо.

Щелчок открывающейся банки разносится по коридору.

– Малик вернулся домой, Мирру утешать. Пишет, она чуть полы не подняла, – зевая и облизывая кисловатые от напитка губы, поясняет Диас. – Эван тоже беспокоился. Говорит, девчонки как будто почувствовали что-то неладное, их стало невозможно успокоить. Навели беспорядок телекинезом. И Аяна ушла.

– А ты? – тихо спрашивает Ана.

Он чуть слышно выдыхает и чуть ли не залпом выпивает энергетик.

– А я что? Мне некого утешать. Разве что Оскара, – он закусывает губу почти до крови, на лице появляется гневное выражение. – Прикинь, позвонили ему, сказали, что произошло, а он даже пальцем не пошевелил! У него брат чуть не умер, а он все на своей ферме отсиживается!

Диас роняет голову, поднимает колени к подбородку и обнимает себя.

– Я его не понимаю.

Как так вышло, что родной старший брат оказался таким игнорирующим и равнодушным? Диас, с которым у Вали натянутые отношения, первым накинулся на Воскового. Первым же начал его избивать. И он же сейчас здесь, чтобы быть первым, кто узнает о состоянии младшего и процессе его восстановления.

– Я не помню, спрашивала ли... ты как? Держишься?

Собеседник шумно вздыхает.

– Можешь не отвечать, если не хочешь, – спохватывается

Ана и пристыжает себя, что и в без того мрачной обстановке напоминает Диасу о своем положении. – О покойниках либо хорошо, либо никак.

– Ну и бред, – грубо возникает он, разглядывая сложенные в замок ладони. – Тогда уж либо никак, либо правду. А правда в том, что они меня бросили.

– Они же не предполагали...

Диас мотает головой.

– Умоляю. Не нужно быть умником, как Вали, чтобы знать, куда приводит эта дорожка. Не надо их жалеть, – он потирает высохшие глаза и опечаленно смотрит на собеседницу. – Мой случай не как у тебя, Ана. Ты последняя в своей семье из-за непредугаданных событий. Я – из-за беспечности и потакания зависимостям. – Диас плотно сжимает губы, его подбородок дрожит, а голос стихает до шепота: – Я не трогал их комнаты с прошлой осени. Я, Магия, боюсь заходить в них.

Ана пододвигается ближе и неуверенно сжимает его худое плечо. Этим признанием он лишь добавил им схожести. Идет четырнадцатый год, а Огненная до сих пор не наведлась в дом, в котором прошли первые восемь с половиной лет ее жизни.

– Это нормально, что ты скучаешь по ним. Они все равно твоя семья.

Он дергает плечом, и Ана отнимает руку. Ранее Диас представлялся ей капризным, грубым и избалованным ре-

бенком взбалмошной Миллы Флауверс, непонятно каким чудом не унаследовавший от нее вредных привычек и зависимостей. Откровенный разговор не входил в планы и чего точно не предполагала Огненная, что за маской вульгарного и беспечного задиры скрывается уязвимый чувствительный парень.

– Безусловная любовь, пропади она пропадом. И паранойя. Я теперь, как Вали, бегу с вечеринок, если пахнет пьяной потасовкой. И боюсь потерять еще одного брата, – его глаза запальчиво округляются. – Ты только ему не говори.

– Ну как такое не рассказать? – Ана неловко хихикает. – По-моему, очень трогательно.

Диас задерживает дыхание и складывает руки на груди.

– Нос в облаках потеряет. У тебя крылья, ты и будешь искать.

Она все еще не до конца понимает природу братских и сестринских взаимоотношений, но не может не признать того факта, что, несмотря на недопонимание и обиды, они отличаются от всех остальных. Они особенные.

– Этот Водный... его Кай зовут? – получив утвердительный кивок на свой вопрос, Диас достает наполовину разряженный смартфон и протягивает его Ане. – Дай мне его номер. Хочу лично поблагодарить.

– Предупреждаю, он стеснительный, – Огненная добавляет номер коллеги в контакты Флауверса.

– По воде он бежал вполне себе нескромно, – бурчит Диас,

тень беззлой улыбки мелькает на его оживающем лице.

Ана улыбается. Искренне, гордо и благодарно.

И Кай тоже особенный. Похожий на отца лишь внешне и не взявший ни одного процента его противного характера. Ана не забывает косых взглядов Водного, нелестных комментариев и тяжелого, как связка металлических настилов, общения и ждет того момента, когда Кай сменит его и станет Полноправным Элементом. Хотя, сегодня и Тамил достоин похвалы и одобрения – если бы не он, в одной из палат могла бы лежать Ана с потухающей Огонь.

«Иногда он не такой противный».

– Врач говорит, что Вали ампутируют несколько пальцев на ногах и часть уха. Ткани почти мертвые, их могут не спасти.

Огонь спасла Вали не до конца.

Ана прикрывает лицо руками, сгибается и начинает горестно всхлипывать. Крики возлюбленного в карете скорой помощи отдаются эхом в ушах, боль, отражающаяся на неестественно бледном мраморном лице, предстает перед глазами всеми ужасающими красками. Она смотрит на дверь палаты, на светодиодную надпись с номером и горящие красным слова «Не входить», за которой находится он. Весь в повязках, смазанный мазью от страшных волдырей, укутанный в термоодеяла и обколотый седативными, чтобы хотя бы ненадолго боль заглохла и дала возможность измученному телу и травмированному разуму отдохнуть.

«Я же просила, аккуратно».

Ана безмолвно ругает выглядывающее из-под ногтей пламя и сжимает ладони в кулаки.

Диас пододвигается ближе и кладет руку ей на спину.

— Ну хорош, — утешительно говорит он. — Он жив благодаря тебе. Без твоего пламени он бы долго согревался, а так... легко отделался, — Диас откидывает с лица включенную темную шевелюру. — Отрастит волосы и прикроет ухо. Ну будет косолапить как медведь. Член остался, считай, ничего не потерял.

Ана прыскает со смеху, смущенные искры прыгают на ладони Диаса. Он испуганно отстраняется. Огненная поднимает заплаканные глаза и видит оранжевые блики в темных радужках собеседника.

Пламя окутывает ее.

«Ты чего?!»

Ана вскакивает с дивана, отчаянно потирает запястья и вслух просит Огонь скрыться, но только сильнее разгорается. Освещенность больничного коридора становится ярче. Она прикрывает руками грудь, опасаясь, что одежда загорится.

«Когда же ты начнешь мне доверять?»

Она замирает, как от внезапного озарения, и не дышит. Пламя ведет себя так же, как после разговора с Вали. Не сжигает одежду и пространство вокруг.

— Диас, — Ана протягивает ему подрагивающую руку в ог-

не, – прикоснись.

Диас поднимается с дивана и озадаченно смотрит на нее.

– Пожалуйста.

Он неуверенно тянется к пламени, вдыхает полной грудью и окунает в него левую руку.

– Не обжигает, – узкие глаза-бусины округляются, брови удивленно поднимаются. – Просто тепло.

Ана замороженно смотрит на пламя. Непривычно ласковое, приветливое, не сжигающее одежду и не наносящее вред ни ей, ни тому, кто к нему прикасается. Она не чувствует жара, температура тела почти человеческая.

Она не опасна.

Восторженный вздох срывается с губ.

Диас ошеломленно мотает головой, надувает щеки и хочет – залиvisto, громко, утирая выступающие слезы.

– А можно нескромный вопрос, у вас уже был? – жестом он показывает, что имеет в виду, заискивающе улыбается во все тридцать два зуба и щурится.

Крайне бестактный вопрос заставляет щеки Аны окраситься в насыщенный цвет арбузной мякоти. Она не раз задумывалась, как пройдет их первая с Вали близость, если вообще состоится. Огонь хоть и выбрала его, но Ану терзают сомнения насчет того, как стихия поведет себя и сможет ли она полностью расслабиться. С другими парнями и особенно с Эдвардом ее постоянно нужно было держать под контролем, что, когда наслаждение закрывало способность мыс-

лить, удавалось так себе. Постельное белье сгорало, а после Ана тратила много сил и времени на иллюзии, чтобы скрыть оставленные Экхарту ожоги.

То, как ведет себя Огонь сейчас, вселяет надежду.

Диаз сгибается пополам от безудержного смеха.

– Понятно все.

– Что понятно?

Задыхаясь, он выставляет перед ней ладонь:

– Я не над тобой смеюсь. Над ним, – Диаз кивает на дверь палаты Вали. – Я просто представил его лицо, когда он это увидит.

Глава 3

30 августа

В случае, если Воскового удастся задержать, его доставляют не в стандартное отделение полиции, а на один из подземных этажей башни Элементаль и держат в особом помещении. Квадратное, с один столом из гранита и двумя стульями, ни единого окна и всего одна дверь. В потолке по обе стороны прямоугольной люстры установлены мигающие датчики дыма и тепла. Стены из кирпича покрашены в черный цвет.

Лицо, устраивающее допрос Восковому, не носит формы и не имеет полицейского звания. Особому преступнику, не являющемуся человеком, не положен адвокат, но полагается особый следователь.

Комендант отворяет тяжелую металлическую дверь и выпускает Эдварда в камеру допроса.

Он видел Восковых на экранах, сталкивался с ними у Камня Слез, но так близко, лицом к лицу, оказывается впервые. Экхарт сохраняет непроницательное выражение лица, утаивая то, как на самом деле ему интересно рассматривать его.

Восковые отдаленно напоминают людей, больше походя на неровные кривые слепки – бледно-желтые, светло-оранжевые или грязно-белые. Две руки, две ноги, туловище и го-

лова с волосами, если они присутствуют, какие бывают у фигурок – без фактуры и легкости, один шмоток с линиями, имитирующими пробор и текстуру локонов. Лицо похоже на театральную маску, с углублениями вместо глаз и рта, которыми Восковые все равно могут шевелить, подражая настоящим эмоциям.

Дверь закрывается.

Эдвард опускается на стул напротив и смотрит на Хамелеона. На нем все еще смокинг, в котором он появился на свадьбу, порванный, грязный, пропитавшийся ароматами озона и земли. Хоть народ Далея максимально похож друг на друга, его не покидает ощущение, что где-то Воздушный уже видел этот слепок.

Восковой сощуривает пустые глазницы, уголки рта поднимают в усмешке.

– Как женушка? Не родила раньше срока?

И голос, родной, не скопированный с Вали, в котором обозначаются яркие визгливые нотки, он точно уже слышал. Эдвард пропускает нелестное высказывание мимо ушей.

Воздух почувствовал его слабинку, едва отец, Ана и Тамил выдвинулись на поиски. Гости воочию наблюдали, как руки Верховного исчезали, сливаясь с атмосферой. Слышали его крики и сами кричали, отчего в голове случился перегруз. Кейт подскочила к нему, пытаясь выведать, где его таблетки. Воздух разозлился сильнее.

«Мы же договорились – не при людях! – в голове обра-

щался Эдвард к стихии, стараясь перекричать мысли собравшихся, заполнившие разум одним сплошным гвалтом голосов. – Ты не выживешь без меня!»

Воздух рычал, пытаясь вытеснить все человеческое. Ветряные потоки окружали Эдварда, снижали температуру в зале приема до минусовой – напитки леденели, на волосах и одежде гостей образовывались снежинки и кристаллики льда.

«Ты будешь слушать меня!»

«Буду!»

Только после неуверенно ответа Воздух спрятал морозный нрав.

«Я за тобой слежу».

Гостям удалось объяснить происходящее беспокойством о коллегах и вторым столкновением с Восковым, которое сработало подобно триггеру. Особняк опустел, а домашний персонал принялся за уборку.

Эдвард морщится от воспоминания и ощущения колючей пыли в ушах.

– Как сам? Много плоти лишился? – он кладет смартфон Флауверса на стол и подталкивает его к Восковому. – Вводи пароль.

Шумя наручниками, которые ему так-то без надобности – он не сможет ни навредить Эдварду, ни обратить его, – Восковой выполняет приказ. На слепке лица ни единого признака страха или замешательства. Все та же кривая усмешка.

– Банально. Он все никак не запомнит ее День Рождения,
– Хамелеон ставит локти на стол и подается вперед: – Ты решил в этом году принести ей подарок заранее? Как ты прочитал меня?

– Для преступника слишком много вопросов задаешь, – цедит Эдвард. Он сглатывает и поочередно открывает все приложения мессенджеров и соцсетей в смартфоне Флауверса, листает диалоги, смотрит галерею, откуда сразу стирает скриншоты из его чата с Аной, и недавно записанные файлы.

Компрометирующую запись с диктофона, подтверждающую связь Эдварда и Аны прямыми словами, он удалил еще вчера, но есть риск, что шпион успел предоставить Дуалам иные доказательства. Мессенджер не сохраняет видеозвонки и за разговор, в котором Ана признавалась Флауверсу в запретных отношениях, Воздушный не переживает. Но после они обменивались сообщениями. Он видит, что в них то и дело мелькает его имя и слова, которыми Ана оправдывалась. Воспроизводит голосовые в своей голове, смотря на аудиодорожки. Страх проникает глубоко внутрь, сжимая сердце алюминиевыми шипами.

– Кого ты скопировал, чтобы войти в доверие к Флауверсу? – данный виток истории наименее интересен Воздушно-му, но долг обязывает найти всех жертв обращения.

– Так, девчонку одну...

– Фамилия и имя, – с нажимом требует ответа Эдвард, но Восковой только ухмыляется.

– Да бывшую одну. Просмотри на досуге его соцсети. Список короткий, у него их немного было, – он подпирает подбородок собранными в замок ладонями и натягивает хитрую улыбку, от которой в уголках губ появляется крошка. – Но девушкам, судя по стонам, в постели с ним было классно. Даже когда он был полнее. И Огненной, уверен, тоже понра...

– Говори по делу, – хрипло баящим голосом Эдвард обрывает Воскового на полуслове.

Ни времени, ни тем более желания узнавать что-то новое и особенно комплиментарное о Вали Флауверсе. Воздушный решает оставить вопрос с именем жертвы – существует проверенный способ вытащить из шпионов всю информацию. Его черед еще не пришел.

– Что ты успел передать Равану?

– Многое. Спроси у Вали, когда очухается, коль он все помнит. Или обратиться к айтишникам, пускай через программы посмотрят удаленные диалоги и куда пересылались сообщения.

Движения Воскового замедленные, сопровождаются звуком мнущегося пластилина и крошащейся плоти. Когда он сгибает руки, а затем снова их выпрямляет, на месте сгибов она разглаживается и затягивается. Рот не успевает за словами, создавая впечатление, как от просмотра видеоряда с отстающим звуком.

– Ах, да. Ты не можешь, ведь тогда больше людей узнает о нарушении закона.

Эдвард сжимает ладони в кулаки, откидывается на спинку стула и упирается взглядом в мигающий датчик. Он судорожно выдыхает. Под кожей проносится волна обжигающего ужаса. Ощущение безвыходности положения ложится на него тяжестью айсберга.

Если бы Аяна держала язык за зубами, всего, что происходит сейчас, не случилось бы. Будь прокляты эти Флауверсы и их фанатичное желание защищать друг друга от малейшей несправедливости.

«Смотри с другой стороны. Если вам выдвинут обвинения, Ана согласится бежать».

Эдварда осеняет:

– Зачем ты записывал на диктофон разговор с Аной? Дуалам недостаточно того, что ты им предоставил?

Плечи Воскового сдержанно поднимаются и опускаются.

– Чтобы дополнительно подкрепить информацию и избежать обвинений в недостоверности и подделке доказательств. У вас же тут на основной части острова вовсю с искусственным интеллектом балуются, люди везде ищут подвох. Так сказать, признание из прямых уст.

В чате редакции «Эль» последнее, что написал Флауверс – точнее, Восковой от его имени, – то, что в понедельник он предоставит статью, которая «разорвет Солено».

– Ты решил воспользоваться его работой, чтобы распространить информацию?

Хитрый ход, достойный остросюжетной драмы. Восковой

ухмыляется.

– Ты только представь, – с восторгом начинает он. – Он, влюбленный, вы, нарушившие закон, она, признавшаяся ему в преступлении. Он из-за чувства обиды и обмана сливает эту информацию СМИ, в котором работает. Вас арестовывают, вводят блокираторы. Она смотрит на него в зале суда и даже не понимает, что это сделал не он, ведь я бы уже стал им... – Восковой обращает кривой слепок к Верховному и озлобленно щурит глазницы. – Если бы не ты.

Чем больше Хамелеон говорит, тем сильнее Эдвард убеждается, что знает его. Драматичный сценарий, который он описывает, усиливает подозрения. Он копается в памяти, в которой тревожным вихрем крутятся его собственные представления о последствиях.

– Как ты меня прочитал? – Восковой замечает отчаяние допросчика и надавливает на него, выдерживая короткие паузы между словами. Голос шпиона расщепляется, и в голове наконец щелкает.

Эдвард поднимается и ударяет кулаками по гранитной поверхности стола. Костяшки пальцев блестят серебром, ветер окутывает его. Восковой замечает блики в глазах Воздушно-го и отшатывается. Слепок лица нерасторопно приобретает выражение удивления и страха.

Говорю со своим демоном, шлет он вам «привет».

Его обед – ваши попытки сделать мне больней.
Вашей гордости причины
Он запьет вином отличным,
А нелестные упреки он закажет на десерт.

Восковой выпрямляется. Глазницы округляются. Пальцы начинают подрагивать в такт знакомой мелодии, а губы безмолвно повторять слова.

Сколько слов ни скажете, он все равно наглей,
Все, что приготовите, он выбросит скорей.
Он упрям и саркастичен,
Привередлив и токсичен,
От меня в отличие он гадости не ест.

– Ты же Гало, верно? – Экхарт хлопает в ладоши. – Автограф дашь?

Он вспомнил, где слышал этот энергичный и визжащий голос и где видел это пластилиновое лицо. Эдвард продолжает распеваться, тянет высокие ноты, выходя на ровный фальцет там, где его не было в оригинале, что приводит Гало в восторг. Восковой приосанивается, забывая, где находится.

Эдвард цепляется за естественное желание народа Далея самоутверждения и признания, и не отпускает. Артист млеет

и возводит скованные руки к потолку в благоговении, когда пленитель ловко перескакивает с чистого вокала на экстремальный.

Переход и припев они поют вместе, создавая немыслимое сочетание – дуэт Верховного Элемента и естественного врага Солено.

Он заказ оплатит, не оставив чаевых,
В книге отзывов напишет самый грязный стих.
Он бесстыжий,
Он возвышен,
Он ваш ресторан до основания спалит.

Пламя все охватит,
Пламя всех убьет,
Персонала крики
Для ушей, как мед.

В тот же день во всех СМИ
Разнесется вой:
«Еще один псих
Удержаться не смог».

Эдвард взлетает над столом и одним ударом впечатывает лицо Воскового в гранит, сплющивая его до толщины блина на сковороде.

– Лучше бы ты продолжил писать музыку.

Гало сдавленно кричит, содрогаясь всем телом. Его мычащие вопли о помощи приносят изощренное удовольствие. Хоть музыка Далея для Эдварда много значит, затрагивая каждую струнку привередливой души, в данный момент он не проводит линию между творчеством и личностью создателя. Одна-единственная цель держит его на коротком поводке – уничтожить.

Воздушный отпускает Гало и одним быстрым движением оказывается у двери, открывает ее и подает сигнал находящимся снаружи.

Воздух не способен убить Воскового. Для этой цели существует другой Элемент.

Ана заходит в камеру, когда размазанная голова Гало возвращается в первоначальную форму – бледно-желтая маска с острыми скулами, большим носом и безжизненными глазами.

– Он твой.

Гало растерянно поднимает взгляд к потолку, когда руки Аны окутывает пламя и дым поднимается к датчикам. Мигание не усиливается, сирена не срабатывает, дождь не проливается. Самодовольная усмешка сменяется ужасом.

Муляжи.

Эдвард захлопывает дверь и прислоняется к ней, с наслаждением принимая жар, просачивающийся сквозь металл, и вслушиваясь в самый чистый расщеп, на который оказывается способен отличный вокалист, хитрый шпион и почти покойник Гало.

Аяна, сидя на скамье, подглядывает сквозь стену, зеленые огоньки зловеще пляшут в темных радужках. Ана пытается Гало, слово за словом выбивая из него то, чего пытался добиться Эдвард. Она поочередно плавит то одну руку, то вторую, то вылепляет тонкий стержень вместо шеи, то прожигает дыру в груди. Особое удовольствие ей и Аяне приносит отрывание ушей.

Ана и Огонь визжат, Гало им вторит. Звуки пламени дополняют голоса, создавая прекрасную в своей жестокости и мрачной отвратительности мелодию, которая постепенно сходит на нет. Она скатывается в хрипы, предсмертные вздохи и разлив пузырящейся восковой субстанции по керамической плитке и граниту – и замолкает.

Аяна закусывает нижнюю губу и ухмыляется, обращаясь к Эдварду:

– Вот такая музыка Далее мне по душе.

Он не комментирует ее злорадный сарказм и отходит от двери.

Огненная выходит из камеры. Темно-рыжие волосы благоухают озоном, вытесняя запах мятного шампуня. С паль-

цев капает плоть погибшего Гало.

Ана поднимает хмурые глаза, в которых все еще полыхает пламя, на Аяну.

– Мара Фрост, – гулко произносит Спарк. – Ты ее знаешь? Земная утвердительно кивает.

– Бывшая подруга. Вали с ней... не очень хорошо расстался.

Из любопытства Эдвард ныряет в образовавшиеся бреши ее брони и еле сдерживается, чтобы не засмеяться.

«Бросил, как только встало на другую. Как низко».

«Как будто ты этим не занимался».

– Аяна, возьмешь на себя узнать ее судьбу, – Воздушный забывает, как пользоваться интонациями, и произносит приказ, а не вопрос. – Что по статье...

– В качестве подтверждения своей статьи он переслал сообщения главному редактору, – отзывается Ана, перебивая его. Пламя ни на секунду не покидает ее глаз. – Идем к Далеру. Я его заморозю, он все удалит и забудет.

– А общий чат? – спрашивает Эдвард. – Коллеги что? Они будут спрашивать. А то, что он пересылал в Дали? Как можно узнать, кто еще обладает информацией?!

Он обессиленно хватается за голову. Воздух скрипит – хихикает.

«Предложи ей еще раз сбежать».

«Ей не грозит капсула, она последний Огненный Элемент».

«Она не выдержит осуждений. Она согласится».

Колючие искры отскакивают от ее кожи, царапая руки и лицо Экхарта. Он отпрыгивает на несколько шагов назад, шипит и протирает глаза, серебрящиеся от сетки сосудов.

– Весь Солено уже знает, кого вчера обратили. Всем до лампочки будет на то, что там планировалось в статье изначально, – Ана хрипит, но даже не думает откашляться, чтобы голос восстановился.

Ноги наливаются свинцом и прирастают к полу. Сердце отбивает бешеную бочку. В ушах звенит от яростных ударов молотом по наковальне. Эдвард не может не смотреть на Ану. Пламя окружает ее, не повреждая ткани одежды, волосы колышутся, повторяя движения оранжевых язычков, искры подсвечивают каждую веснушку.

Аяна вскрикивает, когда язычки пламени дотрагиваются до нее. Она прячется за спиной Экхарта. Температура воздуха накаляется.

Воздух восхищается и трепещет. Эдвард готов погрузиться каждой клеточкой в эту пугающую красоту.

Ее взглядом можно убивать. Быстро и болезненно.

– Я полечу в Дали и спалю их дотла, если потребуется. Темноводная станет Восковой, каждый Хамелеон станет ее каплей, а каждый Дуал превратится в угольную пыль! Дали станут моим *Пепелищем*!

Силуэт огненной птицы мелькает за спиной Аны перед тем, как пламя прячется под бледной кожей и возвращает

радужке истинный оттенок зимних яблок, брошенных в белый искрящийся снег.

Ана позволяет Эдварду взять себя на руки, чтобы быстрее добраться до главного редактора «Эль». Тепло ее тела вызывает к мысли обмануть и направиться туда, где ни одни глаза не увидят, что он с ней сделает.

Разговор оказывается максимально коротким. Они заваливаются в квартиру к Далеру, и Ана сходу его ворожит. Под присмотром Эдварда он удаляет сообщения с компроматом и скачанные материалы с ноутбука.

– А теперь ты забудешь все это. И то, что мы были здесь.

Далер медленно кивает, слово в слово повторяя за Огненной. Она толкает его на плюшевый диван цвета горчицы и велит заснуть, что он беспрекословно исполняет.

– У меня есть один фанат, айтишник. Заглянем к нему, пускай проверит, куда еще утекли сообщения.

С несчастным Марком они проделывают то же самое, с тем лишь отличием, что пришлось ворожить еще и девушку, заказанную им на ночь и не успевшую ретироваться до прихода незваных гостей.

Помимо Далера Восковой отправил компромат напрямую Равану Дуалу. Здесь их полеты и ворожение уже бесполезны, какие бы усилия ни были приложены, к тому же опасны. Ни Эдвард, ни Ана, ни кто-либо еще не знает, что скрывается в его доме. Может быть, сотни Восковых, самые преданные

Подводницы и, конечно же, Теллура, которая стопроцентно точит на них зуб – за убийство брата и ожоги, оставившие незаживающие рубцы на лице.

Они возвращаются в башню, но Эдвард игнорирует просьбу Аны занести ее в больничное отделение. Они оказываются в пустующей штаб-квартире на сороковом этаже.

Закатное зарево заполняет огромный зал, окрашивая его в насыщенные оранжевые, красные и розовые оттенки. Лучики солнца подсвечивают пыль, осевшую на т-образном столе из темного дерева.

– Я же просила! – Ана отталкивает его и бежит к дверям, но Эдвард ее останавливает, преграждая путь отступления.

– Послушай! – он выставляет перед ней ладони, защищаясь от искр. – Выслушай.

Спарк дрожит, оскал придает аккуратному кукольному лицу грозность и воинственность.

– Хоть пальцем тронешь...

Он был бы и рад, но она вспоминает его приставания в примерке. Пламя без замедления выглядывает из-под ногтей. Расплывающиеся лучи солнца сталкиваются с синими сердцевинами и протыкают их насквозь.

– Ана, – тихо начинает Экхарт, с особой тщательностью подбирая слова для долгой речи, – дела плохи. Если Дали сольют то, что у них есть, и люди узнают о нарушении закона, нам конец. Мне введут капсулу, ненадолго, но это произойдет, а я не смогу жить без способностей...

«Потому что ты не пробовал жить только как человек», – напоминает ему Воздух, ликуя, что долгожданный диалог состоится, а данное ему обещание исполняется.

– Тебе это не грозит, но тебя будут осуждать...

– И что?

Он останавливается и замирает. Такого он не ожидал. Эдвард вслушивается в нее, но слышит только монотонное горение гневного пламени.

Смартфоны в их карманах одновременно вибрируют.

«Мара Фрост в больнице. С обморожением и психозом. Обращение очень сильно ударило по ее психике», – пишет Аяна.

Сомнительная новость. Вроде стоит порадоваться, что никто не погиб, но никакой радости нет. Одно лишь сочувствие. Даже ледяное сердце Воздушного проникается им по отношению к несчастной девушке, хоть и само сейчас на грани того, чтобы разбиться и не собраться воедино снова.

– Я тебя знаю, – он непрерывно смотрит на пылающую Ану и сглатывает. – Ты этого не переживешь. Ты... к Огонь у людей всегда большие требования. Ты живешь по мантрам, чтобы ее контролировать, потому что не дай Магия ты сорвешься и тебя за это осудят. Ты боишься этого.

Прежде, чем Ана снова его перебьет, он осмеливается положить ладони ей на плечи.

Огненная открыта. Воздушный слышит, что она хочет сказать, о чем она думает и о чем вспоминает. Он видит,

как пламя вело себя с Диасом, когда они разговаривали о Вали, укалывается о провокационность вопроса и что Ана чувствовала в тот момент.

Ни жара, ни беспокойства, ни потребности в контроле убийственной стихии.

«Она... подружилась с Огонь?»

– Ана, – он все равно предпринимает попытку, – давай сбежим? За купол. У меня есть...

– Хватит! – она вырывается и со всей силы ударяет его кулаками в грудь. Морщась, Эдвард отпускает ее.

Пламя обнимает Ану, солнечные лучи неуверенно прорезают его. Свет преломляется и отражается, прозрачные бледные полосы выстраиваются по окружности, надевая на огонь и Огонь диадему из мутного стекла.

«Она».

– Эдвард, – на выдохе начинает Ана, – ты уже видел, что вчера произошло, через меня или Аяну. Если бы Кай меня не остановил, я бы собственноручно убила любимого человека! – она горько всхлипывает, слеза катится по щеке к подбородку и падает на футболку. – Какое мне дело до того, что скажут другие о том, что было когда-то?

Ее слова бьют по больному. Для Эдварда Ана – целый мир и еще сотни таких же. До появления Флауверса и сессий с психологом, который разложил их ситуацию по полочкам и обозначил ее как созависимость, он считал, что она думает о нем так же. Теперь все изменилось.

Огонь — иллюзионист Элементов. Ирония в том, что не она, а Воздух окружил себя иллюзиями.

Сердце стучит так сильно и невыносимо, будто готово выскочить из груди, создав после себя зияющую, ничем не заправляемую дыру, гноение которой до самой смерти останется с ним.

— Но...

— Мне плевать. Переживу. А твой план... я все тебе сказала еще тогда, когда ты лежал там, где сейчас Вали.

Ана обходит его, но Эдвард окружает ее ветром.

— Ана. Нам конец! Как ты *этого не понимаешь*?!

Он визжит вместе с Воздухом, который настаивает на одном: не спрашивая разрешения взять ее и против воли доставить туда, где им обоим, ничего не грозит. Ни осуждений, ни блокираторов, ни обязательств. Только чистый лист, с которого они начнут все заново.

Огненная птица верещит, набрасывается на ветряные потоки, обжигая их. Одним взмахом оранжевых крыльев она толкает волну убийственного жара на Эдварда, заставляя его кричать, одежду тлеть, а кожу краснеть от прикосновения несогласия.

— Нам давно конец, Эдвард! С первого дня лета! Как *ты* этого не понимаешь?!

Эдвард задыхается от духоты и глохнет от вопля внутри себя. Огонь раскалила Воздух, сделав его смертоносным. Отец буквально это предвидел.

Ана толкает дверь. Пламя настороженно прячется. Сквозь звон до него доносятся ее слова:

– Я люблю Вали. У тебя есть Кейт. Отпусти меня.

– А меня?..

Она замирает в проеме и с мучительным стоном выдыхает:

– Не так, как ты хочешь.

Эдвард остается один – с удушающим чувством одиночества, потери и умалишенным Воздухом, которому не нравится такой расклад.

«И ты ее не остановишь?!»

– Нет. Это бесполезно.

Так легко сорвалось с ее губ признание в любви, которого он сам в свое время долго дожидался. Слышал в ее мыслях, но хотел услышать вживую.

Пылевая буря возникает в черепной коробке. Ноги отрываются от пола без веления носителя. Руки серебрятся и расщепляются, сливая с обстановкой. Температура тела падает, крупинцы льда царапают кожу снаружи и изнутри, внутренние органы индевеют и прекращают функционировать.

Паря над полом, Эдвард изгибается в неестественных позах, словно им управляет некий кукловод. Невидимка тянет за ниточки и выкручивает суставы, играет костяным каркасом так и сяк, заставляя свою воздушную марионетку скрипеть и ломаться.

На пару секунд перед глазами одно серебро. Как только

Эдвард поднимает тяжелые веки, он видит кабинет в особняке, который раньше принадлежал отцу, а теперь перешел в его владение.

Он дома. Здесь же и Кейт, и нерожденный ребенок, и персонал.

– Зачем?!

Воздух не отвечает. Эдвард и не ждет. Он нарушил обещание. Ослушался, чем довел стихию до исступления.

Ураган заполняет просторную комнату. Роняет стол, кресло и стеллажи, будто они не имеют никакого веса. Книги падают и рвутся на отдельные листы, шурша как осенняя листва, края режут неиспарившиеся куски кожи до крови. Окна открываются и стучат, стекло трескается и рассыпается по паркету с характерным омерзительным звуком. Карнизы отрываются от стен, люстра шатается, опускаясь все ниже, держась на одном проводе. Эдвард улавливает стук в дверь, поворачивается и видит, как Кейт стремится зайти в разрушающийся кабинет.

– Нет! – он старается перекрыть шум ветра.

Дверь распаивается, косяк с кусками штукатурки с грохотом падает.

– Звони отцу!

Кейт в состоянии невиданного ужаса отшатывается и скрывается.

«Я покажу тебе, кем я был, пока матушка не сделала меня половинчатым!»

Эдвард каждой клеточкой чувствует, как испаряется, становясь Воздухом. Все, что делает его человеком – кожа, органы, кости – распадается на атомы. Одежда, лишившись опоры, проходит сквозь тело и складывается под ним горой тряпья.

Сколько времени проходит с тех пор, как Воздух решил-ся на крайние меры, он не знает. Минута? Пять? Может, десять? Исчезающими глазами он видит сверкающую фигуру в проеме, где только что находилась дверь.

Кейт его слышала.

Отец поглощает ураган, впитывая его в себя и содрогаясь всем телом от напряжения и нарастающей мощи собственных сил.

Он стар. Он может не выдержать.

«Нельзя! Не убивай! Он и твой отец!»

На долю секунды он снова обрастает кожей, но Воздух не отступает.

Методично Мэттью расчищает путь и, когда оказывается совсем близко, подпрыгивает и хватает Эдварда за растворяющееся лицо. Три транквилизирующие таблетки попадают на язык; отец закрывает сыну рот, чтобы тот не посмел их выплюнуть.

Воздух верещит. То немного человеческое, что осталось, роняет Эдварда на пол.

Он не чувствует собственного тела. Медленно оно возвращается в обычное состояние. Серебряная пелена сходит с

глаз, но изображение плывет. Кости собираются в единый скелет, покрываясь бледной желтоватой кожей. Желудок, печень, легкие, сердце, мозг – один за другим человеческие органы материализуются и запускают приостановленный процесс работы. Волосы заново отрастают. Эдвард вопит отсутствующим голосом. Боль единым целым обрушивается на него, вдавливая в пол и лишая возможности пошевелиться.

Зрение возвращается. В воздухе висит пыль и летают снежинки. Эдвард видит над собой содрогающегося отца, ослепительного, как луна в ночном небе.

Он пытается мотнуть головой, пошевелить глазными яблоками, но обездвижен.

«В окно».

Мэттью слышит. Сплошным ярким потоком он вылетает из кабинета и на улице разражается выюгой, покрывающей сад снежным настилом.

Рука Кейт ложится на судорожно вздымающуюся и опадающую грудь Эдварда. Она вздрагивает от холода его кожи, снимает халат и накрывает им супруга.

– Дыши. Дыши. Вот так, – она смотрит на него, подкладывает руку под голову и приподнимает ее ближе к своему лицу.

Сердце колотится как бешеное, натурально избивает плоть изнутри. Дыхание прерывистое, сухое, до невозможного хочется воды. Головокружение нестерпимое.

Янтарные глаза Воздушного наполняются слезами.

«Во что я тебя втянул...»

Последнее, что Эдвард видит перед тем, как провалиться в беспамятность – две пары глаз. Два зеленых хризолита и два холодных сапфира. Жена, что не видит в нем монстра, и отец, по чьему участию тоскует.

Два живых существа, одному из которых на него точно не все равно, принимающие его демонов, обнимают, делясь с ним теплом и помогая телу вернуться в то состояние, в котором оно снова может ощущаться как единый организм, а не эфемерное нечто без плоти и эмоций.

Глава 4

5 сентября

Ана караулит сны Вали так же, как это делал он в ночь, когда умирала Элла. Отличие лишь в том, что она сидит на диване напротив палаты. К нему с большой осторожностью пускают родственников, а ей, не носящей фамилию Флауверс, и вовсе запрещают. Порой она приходит к мысли заворожить санитаров, медсестер и врачей, чтобы проникнуть в палату. Не прикоснуться, не обнять, не контактировать. Просто хоть одним глазком увидеть его.

Аяна, Диас, Малик, в зависимости от того, кто приходит его навестить, делятся с ней информацией. Кровообращение понемногу восстанавливается, как и чувствительность тела, давление нормализуется. Волдыри и места поражения обрабатывают препаратами, несколько раз в день ему вводят седативные, чтобы притупить болезненные ощущения. Хирурги оттягивают момент ампутации пораженных пальцев на ногах в надежде, что их, в отличие от кусочка уха, удастся спасти.

Единожды к Вали приходит Оскар в сопровождении четырехлетней дочери. Визит оказывается коротким – не в пример остальных братьям и сестре. Равнодушие и флегматичность старшего Флауверса доводит Ану до иступления, и

она решается напрямую спросить его, в чем причина такого отношения к семье.

– Парни выросли, сами со всем справятся.

Ответ максимально не устраивает Ану.

– Они твоя семья.

– Они не маленькие, – настаивает Оскар с безучастным выражением.

– Вали не гриппом болеет, его обратили! Украл тело и разум! Оставили воспоминание о том, что он делал от своего имени!

«А еще он, наверное, не знает, что случилось с Марой».

Оскар наклоняется. Ни единый мускул на лице не дрожит.

– Это часть сепарации – не зависеть от кровной родни.

– Причем тут...

– Я не забываю о них. Просто расставляю приоритеты. Работа и семья, которую я создал, для меня на первом месте.

Ана до скрежета зубов сжимает челюсти. От Флауверсов у Оскара только сливочно-карамельная кожа, темные глаза и волосы. На этом сходства заканчивают.

– Ты разведен.

Оскар останавливается и вздыхает. Он оставляет нелестное замечание без внимания и поворачивается к Ане. Сию секунду ей становится неловко.

– Я спрашивал у Вали, когда можно прийти. Каждый день с тех пор, как он пришел в себя. И ушел тогда, когда он попросил. – Маска равнодушия на лице старшего Флауверса

трещит, обнажая боль. – Я переживаю за него. Просто не хочу лишний раз напоминать ему о том, что с ним случилось.

С ответом Ана не находится и молча провожает Оскара взглядом. Племянница Вали, подгоняемая отцом, напоследок оборачивается и смотрит на Ану пронзительным взглядом темно-синих глаз и машет – своей маленькой ручкой и розовой лапой плюшевого зайца – на прощание.

Так продолжается семь дней. Ровно столько же не может состояться собрание, ни обязательное первого числа месяца, ни экстренное в связи с ситуацией. Мэттью вещает за Эдварда, непрозрачно намекая на катастрофичность его разделения и вытеснения.

«Я прекрасно вас понимаю, дамы, вы хотите уничтожить Дали и только ждете сигнала. Но я не Верховный Элемент и решения не принимаю. Ожидайте, когда состояние Эдварда позволит ему провести сбор», – отвечает он в чате на гневные сообщения Аны и Аяны, которые уже сейчас предвкусывают и требуют план дальнейших действий.

«В прошлый раз ты не отказался его заменить! Что поменялось?!» – отчего-то Ана уверена, что экран смартфона Земной едва пережил набор этого сообщения.

«Когда люди пожалеют, что выбрали Верховным Элементом самый нестабильный?»

Замечание Тамила, сопровождаемое ухмыляющимся желтым стикером, мелькает перед глазами Аны, как двадцать пятый кадр. Она впервые соглашается с Водным.

Дали посягнули не на случайного человека. На кровного родственника Элемента. СМИ снова атакуют их, как после обращения Кейт в конце июня, строят слухи, догадки и требуют комментариев. Все, что предлагает сейчас бывший Верховный Элемент, за нетрудоспособностью нынешнего – молчать. И это несоизмеримо злит.

– Мы хотим уничтожить, – говорит Ана Земной после совместной встречи с представителями металлургической промышленности. – Эдвард не в себе. Мне не нравится Тамил, ты это знаешь. Но он, кажется, единственный сейчас, кто способен размышлять здраво.

Аяна вздыхает и тянется к пряди волос, чтобы намотать ее на палец.

– Я с тобой согласна. К тому же он недолго возглавлял Совет, когда после теплохода Мэттью был не в строю. Но не мы и не наши предки выбирали Верховного. Это к людям. Соленцы – краеугольный камень в принятии такого решения.

– Так не обязательно их в это посвящать! – протестует Ана. – Они же не знают, что происходит на собраниях Совета. Для них пускай Верховным остается Воздух, а что там на самом деле уже наша забота.

Аяна хочет согласиться, но сомневается. Из четырех стихий Земля всегда первая бросается на защиту людей, оберегая как маленьких детей, и отстаивает их интересы, порой в ущерб собственным. Не в пример эгоцентричным Воздушным, самовлюбленным Водным и капризным Огненным.

Поднимаясь на лифте в больничное отделение, Ана вспоминает о просьбе Кая посетить с ним архив. Она не видела его с того вечера, когда он спас Вали. Водные процедуры в холодном Большом Озере не прошли для стажера бесследно, наградив переохлаждением и простудой. Огненная пишет ему ежедневно, интересуется его здоровьем и каждой буквой напоминает, что готова помочь.

– Может, ты скажешь, что нужно и я принесу тебе книги на дом? – Ана ощущает потребность отвлечься от переживаний за Вали и желания действовать самостоятельно в вопросе Далея. Она цепляется за возможность погрузиться в массивы истории, что хранят в себе нулевые этажи башни.

– Нет, я сам хочу, – упрямится Кай, хрипя голосом, после чего раздражается серией звонких чихов. – Обещаю, я расскажу, зачем мне это. Но не сейчас, пока я не уверен.

На выдохе Ана прощается, нажимает на кнопку сброса вызова и выходит из лифта. Эти стены приглушенного мятного оттенка, белая плитка и холодное освещение уже преследуют ее в тяготных дремах и ночных кошмарах.

Дверь палаты открывается, и Ана замирает. Старшие Флауверсы выходят из палаты сына.

Отец Вали, Аяны, Малика и Оскара подлетает к Ане и хватает ее, отрывая от пола и кружа в объятиях. Столь радужное приветствие от почти незнакомого человека застает Огненную врасплох, а от крепких тисков перехватывает ды-

хание.

– Рэй, не раздави, – хохочет Мирра Флауверс, похлопывая массивное предплечье мужа. – А то без Огонь останемся.

Он слушается и отпускает девушку. Голова идет кругом – и от предоставленного аттракциона, и от внезапности встречи. Ана задирает голову и замирает, осознавая, от кого у Вали самая темная радужка среди братьев – не ониксы, обсидианы.

– З-здравствуйте, – запинаясь, произносит Ана и скромно кланяется, забывая, как шевелить руками.

Глаза Рэя Флауверса смотрят с такой теплотой и благодарностью, что сердце трепещет. Он высокий и массивный, как старший сын Оскар, но не в пример жене выглядит молодо – словно ему не пятьдесят семь, а едва за сорок. Густая щетина, едва тронутые сединой светло-коричневые волосы, на лбу заметны полосы от морщин. Широкая улыбка без ямочек, как у сыновей, но остается такой же харизматичной и обворожительной.

Рэй наклоняется к ней и показывает на палату:

– Следи, чтобы он меньше сладкого ел. А то раздавит тебя. Мне ли не знать, – в подтверждение он хлопает себя по животу и подмигивает жене.

Ее смех становится громче, она утирает выступившую слезинку.

– Подождешь у лифта? У нас тут девичий разговор намечается, – Мирра игриво намекает, что больше ловить ее му-

жу тут нечего.

Ана не видела Мирру Флауверс почти год, с тех пор как она временно замещала Аяну после родов. Мать семейства сильно изменилась. Она стопталась, стала почти одного роста с Аной, прибавила в весе. Сеточки морщин разрослись и углубились, пигментные пятнышки размножились. Седые корни без слов говорят о том, что она подкрашивает укороченные темные волосы, которые потеряли густоту и природную гладкость. Но глаза Мирры остались те же – насыщенные темные, как у всех детей, ее и сестры. С одним отличием. Когда она была в Совете, они смотрели равнодушно, устало, порой недовольно. Тот взгляд, с которым Мирра сейчас смотрит на Ану, иначе, как материнский, описать невозможно.

– Я ждала встречи с тобой, – ее голос немного скрипит.

Ана нервно сглатывает, шевелит пальцами ног, протирая стельки в обуви.

– Вы как? Как здоровье? – она оттягивает момент, когда Мирра объяснит, что все-таки скрывается за ее фразой.

В ответ женщина демонстрирует схваченные артритом ладони – покрасневшая кожа, шишки на суставных сгибах, отекающие пальцы и утолщенные фаланги, из-за которых она больше не носит кольца.

– Пока жива и никуда уходить не собираюсь, – она посмеивается, изумрудные серьги в ушах трясутся от движений головы. – Не до моего здоровья сейчас. – Мирра вздыхает и

снова одаривает Ану этим взглядом.

Бабушки иначе смотрят на внуков. Последними, кто так на нее смотрел, с теплотой, любовью и благодарностью просто за то, что ты существуешь, были родители.

– Спасибо тебе, – Мирра, не спрашивая, берет ее запястья. – Ты не только спасла моего сына, но и весь Солено. Клянусь, я готова была его разрушить.

– Его спас Кай. Я так... – Ана мнется, памятуя о том, как сначала на крыльце особняка, а потом на берегу озера плавила Воскового, едва не лишив Вали шанса на спасение.

Знает ли об этом Мирра? Рассказали ли об этом Аяна или братья? Судя по тому, с каким благоговением она говорит, дети не донесли до нее этот эпизод. Ана чуть не убила ее сына. Знай мать об этом, обрушила бы на «спасительницу» потолок.

– Моя хорошая, – Мирра прикасается к ее плечам, – прости уж меня, старую, за бесцеремонность. Можно же я так буду к тебе обращаться?

Ана не отвечает и не кивает, упирая стыдливый взгляд в пол.

– Я уже сынишку Тамила отблагодарила так, что он, наверное, меня заблокирует. А ты не принижай себя. Ты его согрела. Причем так аккуратно, насколько было возможно. Я уж не знаю, что между вами произошло, Вали неохотно посвящает меня в свои любовные дела. В одном я уверена: без тебя ему было бы сложнее – и телом, и сердцем.

Слезы застилают глаза, катятся по щекам, и Ана всхлипывает.

Телом – да. Но сердцем... к нему пускают только одобренных посетителей. Пока он был не в состоянии, за него решал врач. Сейчас Вали восстанавливается и сам может выбирать, кого хочет увидеть. Аны в этом списке нет.

Простил ли он ее за обман и готов дать второй шанс?

Мирра утирает ей слезы, по-доброму и так естественно, словно она родной ей человек. Ана коченеет от ласковых прикосновений морщинистых пальцев. Температура тела снижается до комфортной. Искры показываются, перепрыгивают на фаланги миссис Флауверс-старшей и щекочут, заставляя ее хихикать.

– Узнаю Огненных. Твоя матушка так же реагировала на Камерона. А потом, как они поженились, и на всех нас – наконец-то к ней можно было спокойно прикасаться.

Ана прыскает. Искорки разлетаются, попадают на лицо Мирры, из-за чего кажется, будто она воспользовалась сияющей пудрой, придающей коже холеность и молодость.

– Ты его навещала? – Мирра кивает на дверь палаты.

– Я его... очень серьезно обидела, – сдавленно признается Ана, избегая зрительного контакта с матерью Вали. – Боюсь, он пока не хочет со мной видеться. Да и в списках меня нет.

Мирра шумно выдыхает и закатывает глаза.

– Ох уж эта его помешанность на внешности. Моя хорошая, Вали только о тебе и говорит. Он похудел, побледнел,

весь в повязках. Он боится, что ты убежишь, едва увидев его.
– Что?!

От резкого движения и неконтролируемо громкого вскрика искры рассыпаются в разные стороны подобно карнавальным блесткам. Такая глупая, нелепая, по-своему очаровательная причина создает микс разномастных эмоций – возмущение, облегчение, радость. Они собираются в единое полотно, которое укутывает Ану в мягкий плед, в единый всплеск, который стремится частичками себя согреть каждого, кто окажется рядом.

Ана протирает лицо от слез, горестных и влюбленных.

– Добро пожаловать в семью, – Мирра заискивающе подмигивает и повторно кивает на дверь. – Иди. Кто возмутится – ворожи. Пускай не мешают.

Раздается щелчок дверного замка. Немного постояв на пороге, Ана опускает ручку и заходит в палату. Огонь трепетно щекочется под кожей. Она просит ее пока не показываться.

Когда их взгляды соприкасаются, слова ненавистной песни играют в голове Аны. Но они же и лучше всего подходят тому, что она испытывает. Время перестает что-то значить, реальность уходит на самый дальний план.

Вали берет с прикроватной тумбы пульт управления освещением и гасит его. Ана часто моргает и натянуто улыбается. На изображение накладывается светло-оранжевый фильтр.

– Я же вижу в темноте.

В ответ он приподнимает край одеяла и закрывает лицо.

– А эта способность выключается?

С губ Аны срывается смешок. Такого не предусмотрено – на фоне других Элементов с гиперчувствительностью и слышимостью к своим стихиям, чье величие окружает их ежедневно, Огненным навыв абстрагироваться от нее не требуется. Пламя не существует просто так – оно создается. Достаточно подружиться с Огонь, чтобы сверхспособности не сводили с ума. Научиться доверять ей.

На негнущихся ногах Ана приближается к койке. Пододвигает к ней кресло на колесиках. Нажимает кнопку на пульте, палата озаряется теплым белым светом потолочных люстр. И осторожно опускает одеяло, чтобы окончательно забыть обо всех невзгодах и неприятностях последних недель.

Она не замечает повязки на лице и левом ухе. Игнорирует бледность, впалые щеки, чересчур острые скулы. Не чувствует запах мази и медикаментов. Все, что сейчас важно – обсидиановые глаза и то, как они на нее смотрят.

Она тянется к нему трясущейся рукой. Не дышит. Не прерывает зрительный контакт.

Он отвечает тем же. Он все еще дрожит, движется замедленно, но, когда их руки соприкасаются, Ана выдыхает: кожа теплая.

– Я не чувствую мизинцев на ногах. Точно с ними попро-

щаюсь. Примешь еще одного косолапого в коллекцию?

Голос Вали – самая приятная музыка, которую Ана только может услышать.

– Приму. Только на полку не поставлю. Положу рядом, под голову, чтобы спокойно спать.

«И не отпускать».

Вали прикасается к искоркам, что пляшут на ее скулах. Они перепрыгивают ему на пальцы, проникают под рукава толстовки и нежно щекочут. Он улыбается, ямочки появляются на его щеках.

– Можно спрошу? – он дожидается, когда она кивнет. – Почему медведи?

Он видел коллекцию фигурок этих животных в комнате Аны. Деревянные, глиняные, керамические, вязаные, сваленные из шерсти, сделанные своими руками, купленные на ярмарках и подаренные на разные праздники и по разным поводам, они стоят на полках, и темные глазки сопровождают Ану днем и ночью. Раз в неделю она бережно снимает с них пыль, аккуратно очищает мягкие экземпляры щеткой и бархатными тряпочками, а самых раненых и состаренных подклеивает и подкрашивает.

Она пожимает плечами:

– Папа подарил того медведя и понеслось. Ему нравились эти животные. Говорил, они забавные, но грозные, а за детей рвут на части и защищают до последнего.

Вали сжимает губы и шумно вдыхает через нос.

– Не хочу тебя расстраивать...

– Я знаю, что это только медведицы, а самцы каннибалы,

– Ана перебивает его. – Но папа об этом не знал.

В памяти промелькивает последнее воспоминание об отце – как он отбивался тяжелой сумкой от Подводниц, почуявших жажду крови, человеческой и Элементарной. Вел себя как медведица, пытаюсь защитить ее.

Обычно мысли о родителях, особенно об отце, сопровождаются тоской и болью от неумолимой потери. Каким было бы настоящее, если бы он остался жив? Игра в «что, если...» преследовала Ану со дня трагедии. Она играла в нее постоянно. Но стоило появиться Вали, как потребность в этом отпала. Говорить и думать о тех, кто не по своей воли покинул ее, становится легче. Словно он одним присутствием залечил эту рану – лег на нее повязкой с согревающей мазью, благоухающей ароматами целебных трав.

– Новость знаешь? – Вали заискивающе улыбается. – Диас сказал, что хочет пойти в армию.

– Серьезно? – новость действительно удивительная.

– На полном. Попросил его одолжить волосы, ему же такая длина не положена будет. А я ухо прикрою.

Ана прыскает, а, вспоминая утешения Диаса, начинает громко смеяться. По привычке она тянется ладонью к лицу, чтобы прикрыть рот, но осекает себя. Искры колются как песчинки, она стряхивает их, но они появляются снова.

Вали притягивает лицо Аны к своему. Нос к носу, глаза к

глазам. Она не умеет плавать, боится воды, но совершенно не против в них утонуть.

– Прости, я тебя подставил. – Улыбка исчезает, во взгляде появляется грусть. – Теперь о вас знают.

Она обмирает. Он чуть не погиб, но беспокоится о ней больше, чем о себе.

– Нет. Все улажено.

– Восковой слил все напрямую Равану. Я все помню. Вижу так, будто сам это делал. – Он зажмуривается, дрожь волной пробегает по его телу. Вали присаживается, спускает ноги, роняет голову и закрывает лицо.

Он видит, как заковывает сам себя в цепи. Как на лодке плывет к центру Большого Озера, к месту, где глубина достигает критической отметки. Как сбрасывает себя на дно, как возвращается к берегу и кидает ключ в заросли камыша, распугивая лягушек. Как пишет статью, в красках расписывает содержимое, отправляет скриншоты диалога с Анной и аудиосообщения Далеру. Как пересылает сообщения Равану, после чего, дождавшись сухого «Принято», удаляет чат. Как собирается на свадьбу Экхартов, улыбаясь отражению в зеркале, и как Ана понимает, что это не он.

Сутки, которые Восковой прожил в его теле, с его воспоминаниями, крутятся в голове. Вали пытается остановить воспроизведение, но все начинается с начала. Машина, багажник, квартира. Роемся в шкафу, подготавливает смокинг. Первые наброски статьи, отправка сообщений Дуалу. Удале-

ние чата. Утром выезжает за покупкой цепи и замка с ключом. Заковывает. Лодка, озеро. Снова квартира, скриншоты, почта. «Коллеги, я такую статью готовлю, в понедельник весь Солено взорвется».

Он морщится, мотает головой, прерывисто дышит. Прямые ресницы подрагивают, слезы подступают к глазам, стыд оседает в гортань тяжелым комом.

Мраморное крыльцо. Ана и Аяна обнимаются, хохочут. Он с плохо скрываемой брезгливостью обнимает сестру. Предлагает Ане пройтись и поговорить, опускает руку в карман и нажимает на кнопку аудиозаписи.

Пламя. Жар. Утекающее запястье.

Эдвард, наручники. Диас, Малик. Кай останавливает Ану.

Машина. Дождь. Озеро. Аяна почти выпускает Землю и душит его корнями, пока братья избивают.

Он хватается за живот и сгибается пополам.

– Вали?

Кай с сестрой ныряют. Приезжает скорая, полиция. Тамил держит дождь.

Ана срывается с места и бежит к пирсу. Мэттью ее останавливает. Она плачет, облачка пара распыляются. Восковой, то есть он, смеется.

Диас, увидев приближающийся к пирсу пузырь с Аяной, стремглав мчится к нему и поскальзывается на мокрых досках.

Кай бежит по воде. Он, заледеневший и покрытый воском,

на каталке. Снова пламя.

И так по кругу, не давая возможности забыть.

– Вали, – Ана поднимает его подбородок.

Он дрожит, но не от холода. Обсидиановые глаза наполняются солеными слезами.

– Как... Мара?

В ином случае спрашивать у возлюбленной о состоянии бывшей девушки ощущалось бы неловко и с предательскими нотками, но не сейчас. Мара – такая же пострадавшая, как и он.

– Она жива?

Ана затаивает дыхание, медленно кивает и отводит взгляд в сторону.

– Она в порядке? – Вали сглатывает, и вина острыми колючками репейника царапает горло изнутри. – Мне никто не говорит, что с ней. Постоянно уходят от этой темы...

– Ей... не очень хорошо после обращения, – выдавливает из себя Огненная. – Психически.

Вали хватается за голову. В висках нестерпимо стреляет. Шар из тепла в груди, который оживился, едва Ана вошла в палату, наполняется свинцовой тяжестью.

Одного слова порой достаточно, чтобы захотеть лишиться слуха. Одного совершенного поступка хватает, чтобы возненавидеть себя, даже если здравый смысл вещает о том, что он был правильным и максимально честным. Одна генетическая особенность, не делающая тебя плохим, дефективным

или недееспособным, может в корне поменять собственное видение страшного события, после чего невозможно не сыграть в злополучную «Что, если...». И играть в нее до тех пор, пока варианты не закончатся, облегчение не настанет, а петля, сотканная из вины, не найдет сук, за который можно зацепиться, и не затянется на шее.

– Ты не виноват, – Ана гладит его плечи. Его волосы. Соприкасается лбом с его, покрывающимся испариной от переживаемого стресса. Проводит пальцами по скулам, смахивает слезы с внешних уголков глаз и аккуратно целует переносицу. – Я попробую узнать, как она, и...

Вали агрессивно мотает головой. Не надо. Ни узнавать, ни вмешиваться в жизнь Мары даже опосредованно. С нее хватит.

Он виноват. Или нет. Он первоначальная цель, ради которой потребовалась жертва другого человека. Одна ситуация, несколько перспектив.

– Если бы я был Элементом, меня бы не обратили. Половинчатость не позволила бы.

Если бы Ана не послушала Мэттью и еще на берегу расплавила Воскового, прервав его связь с Вали, он бы ничего не помнил и не мучился.

Она злится. На Мэттью, на Вали, на совершенно незнакомую ей Мару, но больше всего на себя.

– Из-за половинчатости мы, Элементы, неполноценные, – хрипит Огненная. – Полулюди, полу-Магия-пойми-что. Я

тебя чуть не убила из-за этой половинчатости.

– Ей же вы и спасаете. Аяна, Кай, ты. Где бы я был, если бы не вы?

Ана не отвечает. Пламя показывается, отражаясь в глазах Вали.

Он не двигается. Наблюдает за скромными язычками, которые переходят с рук Аны на него. Ладони обволакивает мягкий оранжевый шелк, в котором поблескивают маленькие белые искорки.

Не жжется. Не больно. Тепло и блаженно.

– Ну привет... Огонь, – Вали гладит запястья Аны и окунает пальцы в пламя. Оно становится ярче и ласковее. Медленно приближается к его лицу, не трогая повязки, чтобы высушить мокрые от слез ресницы.

Вали смотрит в глаза Ане, не отрываясь – и не помнит, чтобы кто-то другой смотрел на него так. Материнская, сестринская, братская любовь – это другое. Чистая, безусловная, она помогает выживать и не падать духом. Эта любовь иная. От нее хочется жить.

Ана, обнимаемая блистательным пламенем, откликается Вали фейерверком. Он обещает быть бесконечным.

Слова даются с такой легкостью, что Ана не успевает даже подумать над ними.

– Я не могла так раньше, – она кивает на руки, облаченные в струящийся огненный шелк. – Из-за половинчатости я была опасна для себя и окружающих. Ты – полноценный.

И сделал меня такой же.

Она сокращает расстояние. Снова нос к носу. Глаза к глазам. Вали проводит пальцем по трепещущим горячим губам Аны и первый к ним прикасается.

Раскаленный шар в груди Огненной теряет градусы тепла, оставляя ощущение, как от глотка горячего кофе. Тело замирает в предвкушении и страхе одним неловким движением испортить долгожданный момент. Сердце ускоренно бьется, его ритм отдается в ушах волнительной и прекрасной мелодией.

Он отстраняется и облизывает губы.

– Огонь на вкус как жженая карамель?

Интересное замечание побуждает Ану сделать так же.

– Вряд ли, – усмехается она. – Думаю, это просто бальзам для губ. Или ты очень любишь сладкое.

Вали щурится и покачивает головой. Ямочки наконец-то возвращаются.

– Я достаточно хорошо разбираюсь в кондитерских изделиях. И это похоже именно на жженую карамель, – он притягивает ее к себе, чтобы убедиться в правоте суждений.

Ана аккуратна в движениях и едва притрагивается, боясь сорвать повязки с шеи и щек. Вали берет ее руку, кладет к себе на грудь и держит, чтобы она почувствовала шар из тепла, который разрастается внутри. Свободную ладонь он запускает в темно-рыжие волосы и, не найдя там привычного крабика, массирует затылок. Ана расслабляется, выдыхает в

него, и Вали без усилий углубляет поцелуй.

Словно от одного ее присутствия в его тело возвращается чувствительность. Кожа согревается, кровь циркулирует по венам без покалывания острыми иглами. А она... как будто раскалена не так, как обычно.

Ана кладет руку на его бедро и неосознанно поднимается выше. Внизу живота появляется нетерпеливый трепет.

– Не хочу на койке. Она неудобная, – смущенно шепчет Вали, слегка отстраняясь.

С особенной девушкой можно и подождать.

Ана видит себя в сверкающих глазах Вали и светится. Долю секунды Огненная не двигается, после чего кокетливо хихикает. Смотрит сначала на одно ухо возлюбленного, потом на второе и приближается к тому, где не наблюдает повязки.

– Тогда скорее поправляйся, – вполголоса произносит она.

Она собирается откатиться назад, но Вали берет ее за руки, не желая отдаления. Подается вперед, чтобы соприкоснуться носами. Его ладони поднимаются выше по запястьям и предплечьям, дотрагиваются до шеи. Каждое касание провоцирует разлив пламенного тепла под кожей, а от еще одного поцелуя голова улетает в небеса.

«Не хочет на койке, а сам продолжает возбуждать».

Ана хотела бы позлиться, но сдается под натиском захлестнувшей ее любви и особенности происходящего. Обиды и недомолвки остаются позади. Здесь только он, она и

Огонь, согревающая одно тело и две души.

– Еще одна сережка? – Вали обращает внимание на третье колечко в левой мочке. Когда Ана кивает, он задает вопрос: – Это просто сережки или ты вкладываешь какой-то смысл?

– С чего предположил? – растерянно спрашивает Огненная, потирая искрящиеся щеки.

– Ты в школе говорила, – он прикасается к серебряной бусинке в правой мочке, – что это в благодарность. Мистеру Экхарту. Мы тогда еще всем классом удивились, ведь серебро не ассоциируется с Огонь, помнишь? Я и подумал, что у других тоже есть смысл.

– Ты очень проницательный.

То, как горделиво подсвечиваются его глаза, порождает смешок.

– Но я не думаю, что тебе интересно слушать о безделушках.

Вали выразительно изгибает бровь.

– Земля расстроится, если услышит. Это благородные металлы, а не безделушки, – с наигранным укором произносит он и убирает выбившуюся прядь ее волос за ухо. – Просто давно тебя не слышал. Хочу послушать.

Щекотка становится невыносимой. Огонь внутри Аны издает странный звук – но очевидно радостный.

– Ну... Спарки с детства носят золото. И обычно прокалывают уши, когда Огонь впервые подает знак. Со мной это было в три, мама и бабушка хотели мне еще тогда уши про-

колоть, но папа запретил. Он боялся, что мне будет больно, – она усмехается, пытаясь вспомнить эту сцену. – Сказал им: «Как захочет – проколем».

– И когда прокололи?

– В семь, – она тянет два нижних колечка на обеих мочках. – Изначально просто проколы, а значение появилось позже – когда появились эти, – она акцентирует внимание на бусинке справа и центральной сережке слева.

Озадаченное выражение мелькает на лице Вали – он нахмуливает брови, словно что-то вспоминает, – и сменяется осенением.

– Они все появились после... – он едва дышит и поочередно прикасается к каждому украшению в левой мочке.

Папа, мама, бабушка. Самые родные, безвременно покинувшие ее, но горячо любимые.

– Это теперь напоминание, что я живая, – Ана мотает головой, из-за чего колечко справа трясется. – Про бусинку ты уже знаешь. Живые – направо... – она усмехается и не заканчивает абсолютно провальную шутку.

Вали проводит пальцем по хрящу и находит пустующий прокол, который раньше заполняло серебро.

– Здесь еще было одно.

Огненная жмурится, протяжно выдыхает, и он без пояснения понимает, почему его больше там нет. Меж темных густых бровей образуется складка. Ана догадывается, о чем он думает. Воспоминания Воскового открывают закулисы.

Без Эдварда в том числе Вали остался бы на дне Большого Озера.

«Может ведь думать не только о себе, когда захочет», – Огненная опускает взгляд и вздыхает, разрываясь между благодарностью за точную наводку в спасении, нарастающей неприязнью к Воздушному из-за его упрямой одержимости и страхом перед тем, на что способен он в союзе со стихией.

– Ана? – Вали замечает изменившееся настроение и встревоживается.

Он гладит искрящиеся скулы и утирает пророненную слезинку.

– Можно я останусь здесь? – еле слышно молвит она, замечая в окне стремительно темнеющее небо над Зеркальным.

Нет желания возвращаться в пустующий дом.

Она не дожидается ответа, встает с кресла и садится на колени Вали, обнимая его бедрами и прижимаясь так крепко, что чувствует грудью биение его сердца. Ана вдыхает ароматы мази, бинтов и кондиционера для белья, его кожи и волос. Руки Вали гладят ее спину, спускаются к талии, а дыхание возлюбленного касается шеи и проникает под воротник футболки.

– С минуты на минуту мне придут менять повязки. Заворожишь медбратьев?

– Только после того, как они их сменят.

Вали шумно втягивает воздух и утыкается лбом в плечо Аны.

– Не хочу, чтоб ты видела, что под ними, – бурчит он. – Выйдешь, когда придут?

Она отнимает его от себя и наклоняется, чтобы встретиться глазами.

– Выйду, – обещает Огненная, проводя пальцами по линии его подбородка, частично скрытой под повязками, и вспоминает слова Мирры Флауверс. – А ты не загоняйся из-за внешности. Пара шрамов меня не напугает.

– А много? А на лице? А черные пальцы? – на каждый вопрос Ана кивает, пока скулы не начинают побаливать от расширяющейся улыбки.

– Ты живой. Меня испугает обратное.

Она говорит серьезно, не считая важным получить ответ.

На этот раз Ана целует Вали, слегка надавливая на уголки, чтобы он открыл рот пошире и позволил их языкам соприкоснуться. Его движения становятся увереннее, лишаясь скованности. Огненная трепещет перед каждым, забывая про пламя, которое выходит наружу сверкающими оранжевыми нитями.

Глава 5

12 сентября

Когда Магия лишила детей Элементарного состояния и наделила их человеческой стороной, она явно не рассчитывала, что один из сыновей окажется крайне чувствителен к малейшему переохлаждению. Простуда у Водных может затягиваться на недели, а в запущенных случаях длится и все два прохладных сезона.

Спустя две недели собрание все же состоится, а Кай все еще не выздоровел. Он смотрит на сопящую носом Аяну в кожаной куртке поверх футболки, на Ану в одной рубашке с расстегнутым воротом. Их внешний вид усиливает дрожь и заставляет проклинать прародительницу. Младший Поло уже вовсю носит свитеры.

«А ведь еще и потеплело немного...»

Голова тяжелеет и кружится от насморка. Он звонко чихает, когда дверь штаб-квартиры отворяется.

С каждым собранием обмен приветственными рукопожатиями случается все реже, на смену приходят сдержанные кивки. Эдвард садится во главе т-образного стола. Путь от двери до кресла занимает у него непривычно много времени для Воздушных.

Кай готовится абстрагироваться от шума, который созда-

дут бурлящие кровяные сосуды коллег. Все-таки есть у простуды сомнительный минус: уши немного заложены и звуки доносятся с приглушением.

Верховный сутулится и складывает ладони в замок.

– Я не читаю. Начинайте, кто хочет.

От такого непрофессионального начала собрания все присутствующие впадают в недолгий ступор. Тамил поправляет рукава джемпера, откашливается и первым решается прервать молчание.

– Эдвард, с чем связано столь длительное ожидание собрания? Ты вроде не купался в холодных водах и простыть не мог.

Кай морщится от типичной манеры отца иронизировать без выделения иронии интонацией.

– По-твоему, это смешно? – низко произносит Эдвард, поднимает взгляд и прожигает им Тамила. – На мою свадьбу проник шпион, моя беременная жена в шоке, компромат на меня и Ану подан Равану на блюдечке с серебряно-золотой каемочкой... Попробуй побыть на моем месте.

Кай снова чихает. Эдвард щелкает пальцами и показывает на него:

– Вот, правильно говорю. Будь первым Водным, кто откапает в себе чувство эмпатии.

Три смешка раздаются на обеих сторонах стола. Ана поднимается с кресла и ставит руки на стол. Пламя без тени стеснения выглядывает из-под ногтей.

– Что с Далями, Эдвард? Есть план?

Напряжение между бывшими возлюбленными накаляется до предела и пульсирующими волнами передается другим.

– Вот именно, – Аяна тоже поднимается. – Дали посягнули не на кого-то, а на мою родню. На родню Элемента. Напоминаю, что по Элементарному своду закона родственники Элементов являются неприкосновенными, за исключением случаев, если они не совершают преступления. А Вали – не преступник, он *жертва*. Ты же не предлагаешь пустить это на самотек?

Эдвард потирает подбородок.

– Он же все помнит, так? Как делал все своими руками. Теоретически, он подверг Совет и Солено опасности. В состоянии измененного сознания, конечно, но это отягчающее обстоятельство.

Кай шумно выдыхает и кашляет. Тамил выпрямляется, выкатывает глаза и роняет челюсть. Кресла девушек с грохотом падают на пол. Дерево стола подрагивает от негодования Аяны. Кусочек металлического подлокотника отлетает в дальний угол, скрипя по кафельной плитке.

Огненные вспышки появляются за спиной Аны. Она подлетает к Эдварду и замахивается пламенной ладонью.

Кай ищет молекулу воды между ними и расширяет ее до размеров плазменного экрана.

– Мы же разумные! – кричит он, перебарывая першение в горле. Насилие на собрании недопустимо, как бы один Элемент ни довел второго. – Давайте... без драк.

Ана переводит горящий взгляд с Кая на Эдварда, с Эдварда на Кая. Золотая кровь как бешеная бежит по венам, оглушая его. Она скалится, обнажая белые зубы, трясется от гнева и с громким рычанием прячет пламя. Только после этого Кай сводит водную преграду до состояния капли, которая мягко приземляется на колено Эдварда и впитывается в ткань брюк.

– Скажи честно, – цедит Огненная, не теряя зрительный контакт с Воздушным, – это Воздух говорит?

Эдвард возвышается над ней, макушкой Ана едва дотягивается до его плеч. Она отходит на пару шагов назад. Он ставит ногу на стол, осенняя пыль сыпется с подошвы кед. Экхарт закатывает штанину, демонстрируя черный браслет с переливающейся серебряной полосой.

– На второй такой же.

Внешние блокираторы Элементарных сил.

Тишина повисает в воздухе, но не в голове Кая. До него доносятся сумбурные биения сердец, взволнованное кровобращение и звуки сжимающихся желудков.

Таких браслетов всего двадцать штук. Десять пар, которые по историческим меркам изобрели относительно недавно. Если точнее – двадцать пять лет назад. В ночь, ознаменованную внезапным звездопадом, когда Майлз Экхарт разбился о купол. После его столкновения с барьером на поверхность упало тело. Метеориты в Солено явление редкое, но всегда кстати. Иноземный материал неподвластен Земле,

и ученые не упускали шанса использовать его в назидание Элементом.

Цвет полосы зависит от носителя – по тоненьким трубкам, прячущимся во внутренней стороне браслета, его кровь циркулирует по ним, разнося по венам особый раствор, который и парализует неугомонную стихию. Эти же браслеты используют в суде, чтобы нарушитель не пользовался преимуществом более сильной стороны естества, соединив их между собой прутком. В том случае, если Элемент признается виновным, кандалы сменяются на внутривенную капсулу, которая вводится в шейную артерию – чтобы самовольное извлечение пресекалось под страхом смерти.

– Ты... настолько потерял контроль? – через силу выговаривает Кай, пока пальцы нервозно трясутся возле губ.

Эдвард обращает к нему взгляд. Глаза Воздушного сияют нагретыми каплями янтаря на стволе абрикосового дерева, когда он спокоен и радушен. В моменты злости и неистовства они угрожающе темнеют, в отчаянии становятся блеклыми и прозрачными. А когда Воздух заявляет свои права на человеческую оболочку, то радужки пронзают серебряные всполохи.

Кай ежится. Янтарь ведет себя странно. Кажется одновременно темным, мутными и грязным.

– Я почти обрел Элементарное состояние. Стал Воздухом. – Рот кривится в издевательской усмешке. – В таком случае, три таблетки. Если успеваешь.

Стихия всегда сильнее человека. Уязвленная, обиженная, лишенная первоначальной мощи, она ищет бреши в сосуде, чтобы выйти из него исступленным ураганом, воинственным пламенем, беспощадным наводнением или всеобъемлющем землетрясением. Элемент проходит через ту же боль, через которую проходили стихии, когда Магия запечатывала их в человеческой оболочке. Когда это получается, Элемент теряет все, что делает его человеком, становясь формой чистой энергии, и прощается с этим навсегда, если сдается и не сопротивляется.

Приобретение Элементарного состояния является чуть ли не главной угрозой Солено. Стихия, не обладающая здравомыслием и полным спектром эмоций человека, почти убивает носителя, лишается контролирующего звена и несет разрушения миру, который призвана защищать – и пропадает в небытие, в бесславной кончине. Кай сглатывает, не переставая трястись от ужаса и осознания, как близок оказался конец всему, к чему они привыкли. Разрушительное вытеснение Эдварда, Воздуха, обособленного и практически не имеющего слабостей перед другими детьми Магии, в финальной стадии, дошло до грани безопасного и почти перешагнуло через нее. Почти соприкоснулось с реальностью, где родной остров становится пылью бывшего величия и сломанным памятником прогрессу и стремлению к комфортному существованию.

– Как... до этого дошло?

Коллеги молчат. Младший Поло оказывается единственным, кто может говорить. Любопытство оказывается выше первородного страха.

Эдвард агрессивно протирает лицо руками, громко дышит, удары сердца отдаются эхом в ушах Кая.

– Тебе всю правду выложить?

– Естественно! – отвечает за сына Тамил несвойственным ему высоким голосом – он почти визжит. – Ты ставишь под угрозу всех нас, утаивая истинное положение дела!

Кая корежит от истерического, задыхающегося смеха Экхарта. Он смахивает капельки воды с кожи: Вода волнуется.

– Вкратце не получится, но постараюсь, – Эдвард утирает выступившие слезы, присвистывает и продолжает: – Воздух выбрал Ану. Я тоже. Потом пришло время расстаться. Больно, неприятно, все дела... я пытался мириться. Пару раз даже получилось, Кейт оказалась удивительно хороша.

Он косо смотрит на омертвевшую, дымящуюся Огненную и подмигивает ей. Она не реагирует.

– А вот Воздух мириться не хотел. Протестовал. Требовал все вернуть. Он давил на больное, я соглашался, потому что тоже этого хотел. Ах, да. Я с ним *очень* многоговорю. С ним у меня, пожалуй, самые долгие и постоянные отношения... хоть и токсичные. – Эдвард омерзительно хихикает со своей же шутки, которая смешна ему одному. – А Ана... ну вы знаете, что с ней произошло. Стоило появиться парню без загонов, как тут же прыгнула на него. Как хорошо, что я сей-

час не могу тебя прочесть, боюсь, умер бы от передоза сладостью.

Жар становится ощутимее. Дуновения тепла дотрагиваются до щек Кая и проникают между обрубков отрастающей щетины.

– Оказывается, ты говнюк не из-за Воздуха!

– Ты с этим говнюком почти два года трахалась, – парит Эдвард, облизывая сухие губы. – Рада, наверное, что на Вали не приходится практиковать иллюзии? Его же Огонь не обжигает? Жаль его тут, конечно, самый кайф не прочувствует.

– Эдвард! – Тамил ударяет кулаками по столу, разряды молний колючими искрами летят по обе стороны от него. – Это собрание! А не кружок любителей обсасывать порно-мелодрамы! Говори по делу!

Отец часто зол, недоволен, груб и этого не скрывает. Но крайне редко выражается и использует непристойные слова. Особенно в присутствии сына, все еще думая, что ему лет восемь, а не восемнадцать.

Эдвард заливается скрипучим хохотом. Кай поражается тому, как при таком благозвучном голосе можно настолько отвратительно смеяться.

– Сюр в том, Тамил, что порно-мелодрама стала причиной, по которой Воздух чуть не вышел наружу. Без нее не обойтись...

Семечко материализуется перед Экхартом, врастает в сто-

лешницу и два жестких темно-коричневых корня стремительно обвивают его запястья. Третий вырастает между ними, тянется к лицу Воздушного, упирается в подбородок и раздваивается на отростки, которые фиксируют его голову. Эдвард пытается вырваться, сопротивляется, хочет подняться, но дети природы быстрее и действуют сплоченно – живые кандалы обвивают лодыжки чуть выше внешних блокираторов. Еще один стебель привязывает его к спинке кресла.

Он обездвижен.

– Прекрати! – вопит Экхарт, когда сталкивается с зелеными огнями в глазах Аяны.

Она сжимает кулак. Корни сжимаются вместе с ним, царапая кожу Эдварда и оставляя на ней вмятины.

– Есть еще что сказать? – рокошет Земная. Ее темные волосы колышутся и сворачиваются в тугие косы. – Выбирай слова тщательнее.

– Отпусти! Я все еще Верховный Элемент!

– Отпущу, когда закончишь.

Кай хватается за голову и закрывает уши.

– Твою Магию, Эдвард, говори!

Он глохнет от собственного крика и реакции тела Экхарта на происходящее. Вода бурлит под кожей, просачивается сквозь поры наружу. Наученный горьким опытом, Кай достает из кармана джинсов таблетки и принимает два кругляша. Нет желания стать обезумевшей стихией.

– И вы все... успокойтесь.

Отец обеими руками берет его ладонь и осторожно сжимает. Сидящая по правую сторону Ана делает то же самое. Два контрастных прикосновения. Руки Тамила холодные, плотные, грубоватые, у Аны – тонкие, мягкие и теплые. Отец и...

Кай сомневается, что Ану можно назвать просто коллегой. С первого дня стажировки утекло много воды. Его жизнь перевернулась с ног на голову, а ожидания не совпали с реальностью. Он рассчитывал на монотонное кураторство и поддержку отраслей, где требуются мощности Воды, а столкнулся с интригами, шпионажем, кровавым противостоянием и разбитыми представлениями о Совете, отце и самом себе. Он вспоминает, как нелестно отзывался об Ане Тамил – саркастичная и капризная выскочка. И радуется, что это лишь спорная часть портрета.

Она шутила с ним на фестивале. Подарила футболку из гидрофильных нитей, чтобы она работала как естественный регулятор тепла и холода. Унимала его тревожность в день перед онлайн-созвоном с Дуалом, первая протянула руку солидарности, когда Вода почувствовал слабость и почти завладел человеческой оболочкой. Спасла отца в столкновении у Камня Слез и выдергивала Кая из панического омута. Готова пойти с ним в архив, хотя он до сих пор скрывает причину, по которой ему необходимы книги, справочники и файлы, хранящиеся в нем. Ана... хорошо к нему относится.

Нос оттаивает, содержимое стремится вылиться наружу.

Кай отнимает руку от отца и тянется за платком.

Он к ней привязался. Не как привязываются, как он думает, к партнеру – как к другу. Или даже сестре, которой ему не хватало. Воистину странный дуэт, Вода и Огонь, тем не менее, оказалось, отнюдь не мифический.

Во главе стола связанный Эдвард чуть заметно качает головой. Будь Воздух свободен, глаза сменили бы цвет на серебряный.

– Это уже походит на манипуляцию, Кай. В следующий раз не проканает.

Младший Поло шмыгает, ощущая подступающие слезы, и содрогается от обиды.

– Я только в твоём присутствии схожу с ума! Будешь говорить по существу – никаких, как ты выразился, манипуляций не будет! – крик оказывается слишком долгим для простуженного горла.

Не в пример Ане, Кай с каждым днем проникается мнением отца об Эдварде. Он не забывает, что тот спас его из водяной ловушки, пострадав при этом сам. Но на этом положительные моменты их взаимодействий заканчиваются. Эдвард – бесконтрольный Элемент, высокомерный человек, наглый чтец, рядом с которым становится душно. Кай счастлив, что Воздушный самостоятельно отважился надеть блокираторы и не слышит его, но, с другой стороны, жалеет, что не может утопить его в своей ненависти и наглядно показать, что стало основной ее причиной.

28 августа

Перед свадьбой Эдвард устраивает мальчишник, на который приглашен и Кай. Хотя и место проведения, парк-отель с баром и стриптиз-клубом, вызывает в нем сомнения, он решается принять приглашение – в надежде, что пьяное веселье и наблюдение за красивыми гибкими девушками помогут снять напряжение.

Так и происходит. Реки алкоголя и горы деликатесов, бильярд, боулинг, пошлые шарады и звездные гости – музыканты, актеры, художники, все, кто сопряжен с культурой и искусством Солено, которые курируют Воздушные. Стереотипно они считаются самыми творческими и глубоко чувствующими натурами и абсолютно оправданно лучшими музыкантами – с их слухом иначе и быть не может. Песни с разных уголков острова сменяют друг друга – безобидный поп-рок Березовой Рощи, рейв и техно Неона, акустика и электроника Зеркального, залиvistый фолк из Южных Окраин, истеричный металкор из Солнечного, самого близкого к Далиям района, и сами Дали, с беспринципной и прямолинейной альтернативой. Разнообразие поражает воображение и трогает даже самые предвзятые умы отъявленных снобов. Приглушенное освещение преимущественно в красных и розо-

вых оттенков играет Каю на руку – никто не считывает по лицу, как ему это все непривычно и какую неловкость он испытывает.

Постепенно Кай привыкает, во многом благодаря алкоголю – Водные под ним не пьянеют, но расслабляются. Он участвует в конкурсах, порой выдавая стыдные перлы и шутки, но гости проникаются. Пробует играть в бильярд. Выбирает страйки в боулинге, после каждого обнимаясь и прыгая с напарниками по команде. Набивает брюхо до отказа и много пьет, часто на брудершафт – с людьми, которых видел на экране и слушал через наушники. То и дело он обновляет соцсети, выставляя фотографии с ними, ощущая себя подростком, который наконец дорвался до кумиров и порадовал свои гиперфиксации.

После огненного шота, выпитого на пару с Эдвардом, Воздушный увлекает его за собой на диван перед сценой, заискивающе шевеля бровями.

– Поздравляю, сейчас ты увидишь женщин в белье не на экране.

Кай навеселе и даже не вспоминает про тот случай, когда Эдвард прочитал его на пути к Камню Слез и увидел, чем он занимался накануне.

Девушки у пилонов двигаются под музыку, их плавные движения сменяются резкими акробатическими. Кай восхищается их выносливостью, блестящими развевающимися волосами и пластичными телами, к изгибам которых хочется

прикоснуться. Он погружается в эту красоту, не до конца понимая, что же за него говорит – эстетическое наслаждение или нечто знакомое ему лишь со слов других.

– Экхарт, а эта тебе! Что за последний день холостяцкой жизни без танца на коленях? – кричит кто-то за ними, смеясь подобно гиене.

Одна из танцовщиц грациозной походкой двигается по подиуму по направлению к Эдварду. Внезапный всполох желтого подсвечивает ее веснушчатую кожу, тонкую фигуру, аккуратные кукольные черты лица и цвет волос. Рыжий.

«Красивая».

Кай представляет, как разговаривает с ней наедине и обнимает, проводя пальцами по линиям татуировки крыльев во всю спину, и упускает момент, когда она оказывается на коленях Эдварда.

Он замирает. Колеблется. Не отвечает на ее прикосновения и воздушные движения. В глазах – серебряные вспышки. А Кай не может отвести от нее взгляд. Он кладет ладонь на низ живота, ощущая усиленный приток крови к паху.

– Извини, – Эдвард выдыхает и откидывается на спинку дивана. – Нет настроения.

Плечи девушки мягко поднимаются и опускаются.

– Как скажешь, Верховный.

«И голос у нее такой... обволакивающий».

Кай крепче прижимает ладонь к животу и сглатывает. Слезая с Эдварда, девушка замечает его и наклоняется.

– А кто здесь такой симпатичный? И совсем молодой?

Он только открывает рот. Алфавит вылетает из головы.

– Кай. Тоже Элемент. Не переживай, он совершеннолетний, – Эдвард спасает его.

Они пересекаются взглядами. Воздушный подмигивает и обращается к девушке:

– Ты ему понравилась.

«Твою Магию».

– И твоя татуировка. Может, присоединишься к празднику в качестве гостя? Я поговорю с твоим боссом.

– Я стриптизерша, а не шлюха, – девушка недовольно складывает руки на груди, но не уходит.

Эдвард поджигает губы.

– А я заставляю тебя с ним трахаться? – он примирительно выставляет перед собой ладони. – Ты же... на ветеринара учишься, да? И зовут тебя... Ви? – девушка удивленно округляет глаза. Чтец ухмыляется и продолжает: – Ну вот, а Кай юный фаунист. Уже есть общее. Выпейте, поболтайте. Ничего неприличного, еще и денег за просто так заработаешь.

Ви мнется. Смотрит на Кая. Он отводит взгляд и не может достать язык из одного места. По-хорошему, надо остановить Эдварда. Но когда младший Поло все же решается вступить за честь, свою и девушки, Ви соглашается.

Она ненадолго удаляется, чтобы переодеться в повседневное черное платье и кеды с белыми носками. В простой одеж-

де, без туфель на высоченном каблуке и платформе, без ярко накрашенных губ, на полголовы ниже Кая, она кажется совсем юной, чуть старше его самого. Младший Поло пытается перед ней оправдаться, чувствуя вину за непроявленную им жесткость по отношению к Эдварду и доставленное ей неудобство.

Ви кладет руки ему на предплечья:

– Все хорошо. Я ради тебя согласилась.

– Серьезно? – ответ крайне ошарашивает Кая. – Почему?

Она смотрит куда-то в сторону и надувает губы.

– Ты симпатичный, во-первых, и создаешь впечатление приличного парня. Во-вторых, и без слов понятно, что тебе с ним некомфортно. Он же мысли читает? – она дожидается утвердительного кивка, вздыхает и устало улыбается. – Давай возьмем пива, выйдем на балкон и просто поговорим. Без его суперслуха.

Так они и поступают.

Вечера уходящего лета с каждым разом становятся все холоднее, но из-за алкоголя и напряжения непонятного ему происхождения Кай практически этого не чувствует. Пар прозрачными облачками выходит изо рта, смешиваясь с сигаретным дымом. Ветерок играет прядями волос, темно-коричневыми и насыщенно-рыжими.

– Ты всегда такой молчаливый?

– Понимаешь, я... долгожданный ребенок у отца. Он сильно переживает за меня, из-за чего... мне сложно стро-

ить с кем-то общение. Он как будто никого не одобряет.

Слишком открыто. Не подобает носителю самой загадочной стихии. Но алкоголь развязывает язык.

– А против него пробовал действовать?

– Он моя единственная родня. Единственный, кому на меня не все равно.

Ви сжимает его ладонь и сочувственно кивает.

– У тебя он хотя бы есть, – она вздыхает и с теплотой, от которой все внутри сжимается и трепещет, смотрит на Кая. – Иногда надо идти против убеждений родных – иначе не приобретешь собственные.

Она сама выводит его на разговор, что нравится ему. Тревога отпускает. Кай говорит о том, как ныряет и фотографирует подводных обитателей, показывает собеседнице результаты погружений. Ви делится интересными историями из университета и ветеринарной практики. Спустя полчаса и две пинты пива они ведут себя как старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

Ви первая его целует. Прикосновение ощущается как робкий взмах крыльев бабочки. Кай не может отвести взгляд от ее глаз – голубых как дневное небо. Он подносит ладонь к ее щеке, хочет прикоснуться, но замирает. Пальцы дрожат.

Она ложится на открытую ладонь и одаривает его улыбкой.

– Ты и с девушкой не был.

Кай судорожно кивает. Не был.

– А хотел бы?

Кай медлит. Осторожно кивает. Хочет, но страшно, в чем признается.

Ви поднимается на ноги и протягивает ему руку. Младший Поло ее принимает.

– Скажи, если будет страшно.

– А может... будешь подсказывать, что делать?

Она проводит по линии подбородка, по гладко выбритым щекам.

– Для начала открой рот чуть пошире. И шевели губами. А потом языком.

Он слушает ее. Аккуратничает. Пока не понимает, что учиться целоваться – то же самое, что учиться ездить на велосипеде. Сначала сложно, но после первого падения запоминаешь механизм действий, пробуешь снова, закрепляешь результат и оттачиваешь навык.

Кай осторожен и медлителен. Вкушает каждую секунду. Рискует добавить самостоятельности – кладет одну руку на талию Ви и слегка прижимает к себе, а второй убирает прядь рыжих волос за маленькое ухо, скользит к затылку и мягко массирует его. Хмельное дыхание девушки щекает носогубную складку.

– Все лучше и лучше, – отстраняясь произносит она и уходит с балкона.

Дверь в номер закрывается с шумом и порывом ветра.

Кай дрожит каждой клеточкой тела, и Ви делает все сама.

Снимает с него и себя одежду. Подводит к кровати, толкает его и садится сверху. Покрывает его лицо, шею и грудь влажными поцелуями. Она пытается его возбудить – движениями бедер, руками, затем спускается ниже и пробует делать это ртом.

Когда ему кажется, что вот сейчас все случится, тело разогреется и он возьмет инициативу на себя, как нервозность распахивает свой омут, в который он падает с головой. Ви долго его настраивала и также быстро все заканчивается. Ни волшебства момента, ни эмоций. Лишь легкая односторонняя физическая удовлетворенность.

– П-прости, – обливаясь потом, шепчет Кай после того, как получается восстановить дыхание.

– Не бери в голову. В первый раз не всегда все получается.

– Ты расстроена? Может, по...

Она отмахивает, прикасается губами к его щеке и уходит в душ. Кай откидывается на подушку и шумно вздыхает, вслушиваясь в удары водяных струй о кафельную плитку.

«Неловко получилось».

– А то.

Он подскакивает, как при резком пробуждении. Оглядывается, не понимая, откуда доносится голос.

– Она хотела попробовать Элемента на вкус и разочарована.

Скрип активизирующихся по кодовому слову проекций привлекает внимание Кая к подоконнику.

– Эдвард?!

Подобно своей стихии, он материализуется из воздуха.

– Даже не подрочить. Жалкое зрелище.

Ощущение ледящего мороза сковывает Кая. Сердце стремится выскочить из груди. К горлу подкатывает ком, мешая словам справедливого возмущения вырваться наружу.

Эдвард ставит локоть на колено и подпирает кулаком подбородок. Серебряные сосуды обрамляют светящиеся в темноте янтарные радужки. На лице появляется ухмылка.

– Сейчас она придет – попробуй пальцами. А потом языком, – он подносит указательный и средний палец ко рту и имитирует оральные ласки. – Лучший способ загладить вину за неудачный секс.

Душевая лейка замолкает.

Снова кодовое слово – и Эдвард исчезает. Окно распахивается, впуская в помещение ночную прохладу.

«Тварь!»

Простыни намокают, структура кожи меняется. Расстояние между молекулами разрастается. Ноги теряют ощущение целостности и проваливаются в матрас с хлопаящим звуком.

Ви выходит из душа в тот момент, когда пристыженный и уязвленный Вода по локти поглощает руки Кая. Он кричит, чтобы она достала из кармана брюк таблетки, и просит положить два кругляша ему на язык.

Обратно к собранию

Никто не знает о том, что произошло на мальчишнике, кроме них двоих. Младший Поло даже не знает, с кем может поделиться таким, вылить душу, проплакаться, прокричаться, чтобы не умереть от неумолимого чувства стыда. Ни одно унижение для Кая отныне не сравнится с тем, которое он испытал. До того дня он и не подозревал, что хоть кто-то во всем мире способен на подобную мерзость, и точно не предполагал, что им окажется Верховный Элемент – существо, с которым ему предстоит минимум двадцать пять лет работать рука об руку.

Кай наблюдает за Эдвардом, за тем, как дергаются мышцы на его лице. Веки то щурятся, то поднимаются, глаза то почти выкатываются, то закрываются. Уголки рта тянутся то вниз, то вверх. Гневное выражение сменяется сочувствием, ехидство трансформируется в сожаление. Словно кто-то отыскал в хаосе его головы панель с кнопками, отвечающими за эмоциональную реакцию, и поочередно нажимает каждую.

– Что ж, – низко произносит Аяна, сжимая кулак и не давая живым оковам дать слабину, – так мы и выяснили, что у всего Совета есть претензии к Верховному Элементу. – Она метает в Экхарта смерти подобный взгляд: – Что еще ска-

жешь?

Он сглатывает, тело охватывает дрожь, слезы текут по бледным щекам.

– Я *пытаюсь* бороться с Воздухом, – судорожно говорит Эдвард. – Пытаюсь противостоять ему...

– Не пытаешься, – жестко перебивает его Ана. – Ты ему потекаешь.

Она замечает шокированные лица коллег и, несмотря на мольбы Эдварда, продолжает:

– Он предлагал мне сбежать с острова. За купол.

Заявление Огненной никого не оставляет равнодушным и провоцирует шквал негатива и ругательств.

– погоди, – Тамил поднимается со стула и в упор смотрит на Экхарта, – то есть, убийство Моргана Дуала – это ты защитил Элементарный баланс в Солено. А побег с острова самому и с последним Огненным Элементом это что? Отличная идея?!

– За купол нельзя выйти! – эмоционально добавляет Кай. – Это нереально! Вы оба умрете при попытке это сделать! Хочешь...

– Закончить, как Майлз Экхарт? Закончить, как твой дед? И еще несколько твоих предков? – Аяна срыгается на визг. Она растерянно смотрит на Ану. – Сколько раз он предлагал и как давно?

– Раза два или три. Первый раз был после аудиенции. Я отказала, но он все равно настаивает.

Ана совершает три глубоких вдоха и выдоха, после чего натягивает улыбку – ту, которой улыбаются люди, лицом к лицу столкнувшиеся с опасностью и пытающиеся неуместным юмором унять беспокойство и страх.

– Так что, если я внезапно исчезну, вы знаете, кому задавать вопросы.

Кай хватается за голову. Происходящее кажется невыносимым. Верховный Элемент, таковым назначенный много веков назад людьми, готов ради собственных маниакальных интересов погубить их. Он переводит взгляд с Эдварда на Ану. На пустующее кресло рядом с ней, на котором восседала Элла Спарк. Затем на Аяну, представляет за ее спиной Вали. И снова на Эдварда. Сгорбившегося, всхлипывающего, закипающего и загнанного в угол.

Он говорит, что человек и Воздух выбрали Ану. Он любил ее до невозможного обеими сторонами своей сущности. Насколько бы это чувство ни было чужим Каю, он понимает одно: это не любовь.

Это помешательство. Чистое, насильственное, безумное.

– Так... не подобает Верховному Элементу.

Аяна выпрямляется, дергает рукой – и кресло Эдварда, вместе с ним, покидает свое место во главе стола. Колесики со скрипом передвигаются по кафельному полу.

– Что ты делаешь?! – верещит связанный Экхарт – и оказывается рядом с ней, на заранее освобожденном месте.

Он упирается взглядом в Кая. Серебряные сосуды полно-

стью перекрывают белок.

– Ты не в себе, Эдвард.

Три согласных кивка отвечают на произнесенное металлическим голосом заключение.

– Кай.

Он вздрагивает от обращения Аяны. Ее веки дрожат, как и сжатый кулак.

– Мы обсуждали кое-что с Аной. Наедине. Озвучу? – она получает безмолвное согласие от Огненной. – Хотя это и противоречит воле людей, но сложившиеся обстоятельства... толкают к радикальным мерам. Эдвард не может принимать здравые решения и руководить Советом. Я и Ана в данный момент уязвимы из-за Вали и можем действовать импульсивно. Ты еще стажер. Мы говорили о том, чтобы кандидатура Верховного Элемента определялась не по стихии, а по старшинству. Мы предположили... – Аяна выдыхает и заставляет себя закончить: – Что лучше отдать пост Верховного Элемента самому старшему и опытному из нас. И это ты, Тамил.

Отец выпрямляется и от удивления открывает рот. Слова Земной повторяющимся угрожающим эхом отдаются в ушах. Кай все еще надеется, что это дурной сон.

– *Не тебе* это решать! – злобно шипит Экхарт и пытается порвать сковавшие его корни. – Ни тебе, ни Ане, ни Каю, *никому из нас!* Что это, Земля впервые не считается с мнением людей?

– И кто мне это говорит?! – Аяна чуть ли не плюется от гнева в лицо Воздушному. Она плотно сжимает губы, кусая нижнюю, и смаргивает слезы. – Людям необязательно это знать. В их глазах ты как был, так и останешься Верховным, будешь представлять Совет. А решения будет принимать Тамил.

– Предлагаешь мне быть марионеточным руководителем? – ядовито смеется Эдвард. Пятна серо-розового румянца украшают его лицо и шею, вены серебрятся от крови.

– Ты уже марионетка, Эдвард. Марионетка своей стихии. Ана бьет по больному. Кай слышит, как сердце Воздушного один за одним пропускает удары и не может вернуть здоровый или хотя бы стабильно ускоренный пульс.

– Я просто напоминаю, – Эдвард почти задыхается, – что по закону, если нынешний Полноправный Элемент осужден, не в строю или мертв, его должен заменить предыдущий. Мой отец еще жив.

– Мэттью не согласится, – Тамил наконец оживает. – Он ждал, когда тебе исполнится двадцать пять, чтобы уйти на пенсию. Все-таки из-за твоего деда он раньше срока стал Полноправным и Верховным. Он устал.

– У него не будет выбора! Его никто не спросит! Закон есть закон.

Говорит Эдвард, а стыдно Каю. Насколько бы ни охладели их с Тамилом отношения, младший Поло бы не позволил себе говорить о нем в таком тоне.

– Не тебе говорить о законе, – Кай смотрит на Ану, надеясь, что слова не задели ее. Она сдержанно выставляет ладонь, и он выдыхает.

– Тринадцать лет назад Тамил месяц управлял Советом, когда Мэттью был не в строю. Предлагаю и сейчас на месяц поставить его на должность Верховного Элемента и посмотреть, что из этого выйдет. Как стажировка. Ты не против? – Аяна обращается к старшему коллеге. – Ты до сих пор это не прокомментировал.

Тамил задумчиво потирает бороду. Смотрит в стол. Кай прислушивается к отцу – он весь бурлит.

Вода испокон веков ущемлен тем, что люди выбрали Верховным Элементом не его, а ветреного и необязательного брата Воздуха. Не одно поколение Водных жило и живет с мыслью о высшей форме власти. Осознание, что время, когда положение дел пересматривается, настало, тешит эго Тамила, вознося его до небес.

– Полагаю, раз голосование касается непосредственно меня, я в нем не участвую?

Аяна и Ана одновременно поднимают руки. Эдвард не двигается.

– Вы пожалеете. Знали бы вы...

Корень врезается ему в рот, заставляя замолчать.

Три горящих взгляда обращены к Каю. Он немеет. Его голос решающий.

Он знает, что хочет сказать Эдвард. Не чурающийся мыс-

левмешательства Воздушный, скорее всего, даже больше осведомлен. Тамил закрыт и держит свои тайны в тяжелом сундуке, который заковал в цепи и спустил на самое дно Тихого моря. Он не отвечает на прямые вопросы сына, доводя до иступления и, возможно, подвергая всех еще большей опасности, чем неразумный Экхарт.

С другой стороны отец пугает его меньше. Отец адекватен. Отец контролирует стихию. Кай не доверяет ему до конца, но когда выбор стоит между открытым психопатом и крокодилом в костюме...

Он неуверенно поднимает руку. Трое против одного.

Девушки сдержанно хлопают. Эдвард хмыкает. Аяна смотрит на Тамила и кивает на пустующее место во главе стола. Под хохот душевнобольного, на которого крайне похож Экхарт, Водный перевозит кресло.

– Что ж, новый Верховный, у меня есть предложение, направленное на повышение эффективности Совета. Как насчет внести в закон пункт о том, что Элементом нельзя сношаться с родственниками других Элементов? Сам видишь, обиженные сестра и девушка в одном месте – это верная смерть.

Аяна снова сжимает кулак, запястья Эдварда уже серые. Ана с треском вспыхивает.

– Тамил, – она скрипит зубами, – как Верховный Элемент, разрешаешь ударить его?

Снова хохот. Им можно пытаться вместо электрошокеров.

– Раньше ты не спрашивала разрешения.

Тамил осваивается на новом месте. Осматривается. Вспоминает прошлый раз, когда видел лица всех коллег с такого ракурса. И преисполняется.

– Ана, – глубокий тембр его голоса способен загипнотизировать, – как, ты выразилась, Верховный Элемент, я должен следить за порядком на собрании. Понимаю твои чувства, но прошу соблюдать приличия. К тому же мистер Флауверс все еще может нуждаться в твоём пламени. Не распыляй его по-чем зря на неблагодарных... личностей. Аяна, можешь освободить Эдварда. В браслетах он неопасен.

Ана жмурится, и пламя прячется. Аяна с хриплым выдохом разжимает кулак. Живые оковы распадаются на пыль.

– Прогнулись, – Эдвард потирает запястья, кладет руки перед собой и роняет голову. – Говоришь про приличия, а сам ради приличия даже не поломался.

– Не время размусоливать, Эдвард. Я просто выполняю свой долг. В твоём состоянии ты подвергаешь опасности Совет и весь Солено. И свою семью тоже. Посети психотерапевта.

Тамил выжидает короткую паузу, за которую бывший Верховный Элемент успевает несколько раз измениться в лице, примерив маски враждебности, обиды, стыда и обреченности.

– Что касается твоего предложения, то я не вижу необходимости. Случай Вали Флауверса, надеюсь, дамы не оскорб-

лены формулировкой, не думаю, что будет распространен. Но он крайне показателен – ни один Восковой не рискнет отныне покушаться на кровных родственников Элементов.

С первых минут на новом месте Тамил демонстрирует ясность ума. Кай немного расслабляется, но недостаточно, чтобы прекратить отбивать ритм уже уставшими от этого действия пятками.

– У тебя есть варианты ответа Далям за содеянное? – Аяне не терпится вернуться к подзабытой теме обсуждения. – Как вариант, Ана может спалить их, а я сравняю с землей.

Земная коварно усмехается. Огненная молчит. Не сводит сосредоточенный и выжидающий взгляд с Водного.

– Неплохо, но радикально. Оставим на запасной, – Тамил кладет руки на стол. – Еще одной аудиенции не избежать. Но предлагаю не выбирать нейтральную территорию местом ее проведения.

Эдвард сопровождает дальнейшую речь Тамила ругательствами и обвинениями всех присутствующих в саботаже и грозит, что все пожалеют о решении разложить карты именно так, а не иначе.

Солнце выглядывает из-за туч. Лучи подсвечивают коренастую фигуру новоиспеченного Верховного, обозначают углубляющиеся морщины и выделяют седые волоски на голове и в густой бороде.

Ему почти пятьдесят. Элементарно он слабее коллег, но новые возможности, которые открыло ему безумство Эдвар-

да, словно скидывают ему добрый десяток лет. Карие глаза бликуют синим — как в двадцать пять, когда он нащупал и принял полновесную мощь своей стихии.

Глава 6

14 сентября

Увидеть Элементов на улицах Солено без сопровождения – большая редкость. А заметить Воздушного, обычно перемещающегося либо по небу, либо невидимым, считается чуть ли не самой огромной удачей. Соленцы даже примету придумали: «Встретил Воздушного – жди вознесения». Говорят, после такого события давно забытое, но когда-то сокровенное желание исполнится. Правда ли это, остается гадать, ведь статистику никто не ведет.

– Можно с вами сфоткаться? – толпа девочек-подростков, едва достающих до живота Эдварда, окружает на выходе из алкогольной лавки.

Он поднимает ладони, чуть не ударив одну из них пакетом.

– Прошу прощения, юные леди, – он качает головой и натягивает обворожительную улыбку. – У Верховного есть дела.

Охая, они освобождают ему проход, и Эдвард стремится как можно скорее оказаться в салоне автомобиля.

– Едем.

Воздушный рад бы воспарить и скрыться от взглядов, трепещущих перед его вытянутой, возвышающейся практически

ски над любимым человеком фигурой, и добраться до места назначения привычным методом, но из-за браслетов не может. Выпускать Воздух все еще страшно. Потеря человеческой оболочки преследует до сих пор, напоминая о себе ре-зью под кожей, сухостью глаз, ощущением чужеродности ор-ганов и несуществующих пустот между ними.

Зеленые и приземистые пейзажи тихой Березовой Ро-щи сменяются однотипным стеклом делового Зеркального и спящего по утрам тусовочного Неона. Башня Элементаль подмигивает Эдварду своим градиентом, заставляя смор-щиться от негодования и поставить на бесконечное воспро-изведение проведенное собрание.

– Предлагаю назначить аудиенцию с Дуалами здесь. Наде-нем на них и на себя блокираторы, чтобы никто не пользо-вался преимуществом стихий, и проведем переговоры каса-емо последних событий, – слова абсолютно дурного предло-жения Тамил, произнесенного максимально серьезно и спо-койно, отскакивают от стен и окон штаб-квартиры, их зло-вещее эхо проникает в уши и аукается внутри черепной ко-робки.

Дуалы в стенах Элементаль. Мечта Равана и настоящее безумие.

– Ну что, вы уже жалеете о своем решении сместить меня? – взгляд Эдварда мечется между замершими коллегами.

– Тамил, – начинает Аяна, сжимая кулаки до прокалы-вания кожи ногтями, – я не думаю, что это хорошая идея.

Это... опасно. Такой радушный прием может только развязать им руки. Они могут решить, что им теперь позволено больше, несмотря на все их преступления в прошлом и настоящем!

– Мы будем на своей территории, Аяна, – Водный дожидается, когда встревоженная Земная закончит. – Это наше преимущество. Раван отличается нерасторопностью. Прямое доказательство – обращение кровного родственника Элемента. Он знает свод законов, хоть и порицает его, и все же предпринял посягнуть на безопасность представителя одного из самых защищаемых слоев Солено. Мисс Барнс... миссис Экхарт, кстати, уже к ним относилась в момент покушения. А Дуалы так и не понесли за это наказание.

– Дуалы порицают закон, потому что он не считает их Элементами, – осторожно перебивает отца обнимающий себя от простуды и неловкости Кай.

– Если они хотят признания от Солено, они обязаны его соблюдать, – продолжает Тамил, но младший Поло обретает уверенность после долгого ступора.

– Прежде, чем полагать, что они будут нести ответственность за преступления, надо признать их Элементами и сделать такими же равными в правах, обязанностях и подвластности законам, как мы. А мы... мягко говоря, сами их обходим. И я не только про... Ану и Эдварда. Мы часто используем способности против людей и вредим им. Редко физически, но на уровне психики постоянно, – юные карие глаза

приобретают озлобленное выражение и испепеляют Экхарта накопившейся в них ненавистью.

«Для чего тогда нужны эти способности?» – думает Воздушный, переключаясь между двумя полярными эмоциональными состояниями – стыдом и бессовестностью. Без чтения он знает, что Кай не забыл и уже не забудет мальчишник.

– Думаю, в повестку можно включить обсуждение прав и обязанностей Дуалов и признания их Элементами. Свообразными, ошибочными, но носителями стихий, – новый Верховный следит за реакцией коллег, колеблющейся между шоком и возмущением. – Они клюнут на этот пункт. А оказавшись здесь, не то, что на основной части острова, в самом ее сердце и мозге, будут вынуждены блюсти приличия, если хотят добиться желаемого. Тут мы их и подловим.

– Хотите признания – отвечайте за преступления? – медленно проговаривает Аяна.

– Именно.

Земная агрессивно мотает головой.

– Мне все же больше нравится вариант превратить Дали в золу.

– Я же сказал, – терпеливо отвечает Тамил, – это запасной. Если из переговоров ничего не выйдет. А чтобы они не закончились побоищем, мы все наденем блокираторы. Так сказать, уравниемся и говорить будем человеческим языком, а не Элементарным.

– Это опасно, – настаивает Аяна. – Я им не доверяю. Они могут вытворить все, что угодно.

– Тамил, – Ана наконец оживает и откашливается, прогоня нежеланную хрипотцу, – я согласна с Аяной. Начнем с того, что принять ублюдков в Совете, даже просто на переговоры, после всего, что они сделали, скольким людям навредили – это омерзительно. И это риск. Во-первых, вряд ли у Дуалов есть блокираторы, там интернет через раз работает. Во-вторых, Раван ни шагу не ступит без Восковых. Как ты себе представляешь главу Далея и вышагивающий за ним пластилин по улицам Зеркального?

Водный устремляет внимательный взгляд на Огненную, от которого Эдварда мутит.

– Блокираторы станут нашим двусмысленным подарком Дуалам.

Он подмигивает Ане, и Экхарта почти тошнит. Хочется прочесть их обоих, проникнуть сквозь шум прибоа и трещание костра, чтобы остыть от облегчения или вспыхнуть от раздражения. Ненавидящая Тамила местами праведным, местами опрометчивым гневом Ана внезапно благоговеет перед ним – сама же небось и предложила Аяне идею поставить его на пост Верховного. А Водный, оказавшись на почетном месте, позволяет себе жесты, такие же двусмысленные, как преподнесенные Дуалам блокираторы.

– А насчет Восковых не переживайте – как истинный Верховный, Эдвард встретит Дуалов у Камня Слез, наденет им

браслеты и привезет сюда на корабле. Только Равана и Теллуру.

Воздушный резко выпрямляется, услышав свое имя и предназначенную ему роль в этом спектакле абсурда. Он усмехается и от новой характеристики.

– Если я истинный Верховный, то ты кто? Фальшивый?

– Временно назначенный, – хладнокровно отвечает Тамил на нелестное высказывание.

– Не хочу тебя расстраивать, *о Верховный*, – язвительность Эдварда теряет границы, как и приличие Водного размыло собственные рамки, даже не помявшись во время голосования. – Я не сниму браслеты. А с ними не сунусь к Дуалам. Раван и Теллура убьют меня, едва увидят.

Эдвард демонстративно потирает ладонь, которой держал Моргана Дуала, когда забирал его дыхание.

– Я знаю, что такое кровь Элемента на руках. Странное ощущение. Ты чистоплотный, не думаю, что тебе понравится.

Он со всей надменностью смотрит на Водного – и теряет ся. Вода явственно указывает на уязвимость носителя. Его густые брови смыкаются на переносице. Тамил прикрывает рот ладонью, но Эдвард успевает увидеть подрагивающие уголки. Темную радужку прознают яркие синие и аквамариновые вспышки.

Ущемил ли Воздушный его это или дернул за крючок, который считался обеими частями Тамилы как триггер, сложно

сказать. Воздух оказался прав – без способностей Эдвард не может ничего. Появляется желание снять браслеты и протиснуться в бреши брони, но страх перед самим собой и сидящей рядом Аяной, готовой в любой момент выпустить корни, от тисков которых запястья уже покрылись синяками, оказывается сильнее.

– Тогда, – Тамил вздыхает, – все-таки придется поговорить с Мэттью. Воздух – единственная стихия, пред которой Земля и Вода слабы.

– Может, попросим его тоже присутствовать на переговорах? – Кай задумчиво потирает подбородок. – Я думаю... он может присутствовать здесь, но невидимым. Или сделаем ему ненастоящие блокираторы, он умеет контролировать Воздух. Будет нашим дополнительным преимуществом. Не хочу рассуждать о мистере Экхарте как о козыре... – лицо младшего Поло искажает гримаса стыда, но он заставляет себя закончить: – Но он нам бы пригодился.

Для юнца, чей срок стажировки еще не преодолел порог стандартного испытательного срока на любой людской работе, Кай размышляет, как прирожденный стратег. Осторожный подход и вдумчивый анализ внесенного предложения достоин похвалы, и Эдвард даже ловит момент восхищения его разумностью. Тамил преисполняется отцовской гордости – такое сложно не заметить и не надо читать.

– Возглавить Совет Мэттью не согласится, но точно последует долгу. Когда Солено и Совету грозит опасность – а

Дуалы всегда ей являлись и сейчас особенно, – нужны все ныне живые Элементы. Полноправные, стажеры, отстраненные – разве что маленькие дети неприкосновенны.

– Тогда и Мирру Флауверс пригласите, – хмыкает Эдвард. – Мать, сестра и девушка разом. Увеличим количество желающих мести женщин в одном помещении и сразу перейдем к запасному плану.

Замечание Экхарта ударяет по чувствам Аяны.

– Следи за языком, – цедит она. – В отличие от Аны, ты близок к тому, чтобы сменить браслеты на капсулу.

Эдвард бьется головой о подголовник сидения, чтобы остановить воспроизведение.

Пейзажи за окном сменяются. Высотки и дух современного урбанизма остаются далеко позади, уступая права полям, фермам, животноводческим сооружениям и редким частным секторам с приземистыми домиками. Южные Окраины. Своим ходом Воздушный уже бы давно добрался до места назначения. Все-таки быть обыкновенным человеком уютно и затратно.

Автомобиль останавливается на трассе возле леса. Эдвард отправляет водителя в центр населенного пункта, чтобы он там скоротал время, которое работодатель потратит на свое усмотрение. Экхарт ступает на тропинку и скрывается в стремительно вспыхивающей от разнообразия осенних цветов чаще.

Постепенно звуки присутствия человека пропадают, усту-

пая место шелесту листвы и осторожным шагам диких зверей: они становятся громче по мере того, как Эдвард оказывается рядом. Полевки и хорьки шуршат опавшими листьями и резво прячутся в подземных норках, белки карабкаются по шершавой коре деревьев, а олени пугаются и пускаются прытью.

Даже без Элементарных сил Воздушный перемещается быстро. В комплекте с высоким ростом идут длинные ноги и, соответственно, широкие шаги. Будь рядом с ним коротышки вроде Аны или Кая, они бы мучились отдышкой и постоянно окликали его, умоляя идти медленнее.

«Ты уже марионетка, Эдвард. Марионетка своей стихии».

Воздух временно в коме. Хоть он и принес Эдварду столько страданий, но без него, как и без способностей, ощущение неполноценности погружает в глухой омут. Гнетущее одиночество, вооруженное до зубов ножами и тягостными мыслями, которые не с кем обсудить, поджидает его в темноте.

Он вспоминает свое поведение в последние месяцы. Как вел себя с Аной в примерке. Эдвард мог причинить непоправимый вред ей, бесконечно любимой и желанной, если бы она не выпустила пламя. То же самое и в штаб-квартире в конце дня, посвященному удалению компромата. В обоих случаях Воздух поддакивал, трепетал, настраивал, а он его слушал. Человек был бессилен перед напором стихии и пошел по пути меньшего сопротивления – соглашаться – и по следу желаний, исполнения которых жаждал сам, игнорируя

их грязь и сомнительность.

С мальчишником и Каем аналогичная ситуация – Воздух попросил, а Эдвард исполнил. Воздух в очередной раз поспеялся над братом, а носитель... чего добился он? Забава в этой отвратительности присутствовала, как и доля цинизма («А что такого? Помог потенциально вечному девственнику»), а получившаяся сцена достойна экранизации в каком-нибудь омерзительном фестивальном кино, но стоила ли того жестокая шутка? Что такого сделал Эдварду совсем невинный юный Поло?

Над головой сокрушаются вороны. Сорока под ногами задирает клюв и смотрит на Воздушного бусинками черных глаз – заприметила драгоценный янтарь его собственных. Эдвард агрессивно шикает на птицу, заставляя ее вспорхнуть и умчаться черно-серебряно-зеленой вспышкой.

Чем больше он думает и вспоминает, тем охотнее и смиреннее соглашается с Огненной и Советом. Он не в себе.

Надежда на другой исход замерцала в день свадьбы, когда он подумал, что сможет обхитрить Воздух, если человек влюбится в Кейт, в которую не влюбиться невозможно. Так похожа на Ану и так от нее отличается. В ней можно забыться. Ей просто проникнуться. Ее легко полюбить.

Относительно недавно Эдварда осенило, отчего он корит себя за глупость и слепоту – его жена, внешне эталон женской красоты, если представить ее с янтарными глазами, напоминает ему кое-кого очень ценного. Голова пошла кругом,

а сердце пустилось в волнительный пляс от представления, какой может стать жизнь с Кейт и какой она будет, когда малыш или малышка Экхарт появится на свет. Счастье казалось таким близким: договориться с Воздухом – и вот оно, подано на блюдечке.

Да будут прокляты покойный Гало, выживший Вали Флауверс и Магии сын Воздух.

Лес мельчает, обнажая все больше полян, слабо нагреваемых под вялым осенним солнцем. Если Вода и Земля теплолюбивые создания, то Огонь и Воздух радуются похолоданию, как маленькие дети. Первые наконец наслаждаются своим пламенем, а вторые, чья естественная температура тела ниже, чем у людей и остальных Элементов, вздыхают с облегчением, избавляясь от ощущения накала и остывая. Но Эдвард, став человеком, чувствует холод.

«А ведь еще потеплело...»

Серые тучи, которые некому разогнать, укрывают небосвод. Облачка пара выходят изо рта, кончики пальцев мерзнут, и Эдвард прячет руки в карманы. Не замерзнуть ему помогает лишь отчаяние, кипятком разливающееся по венам вместе с блокирующим Воздух раствором.

Он женат. Почти отец. Смещенный с должности Верховного Элемент из-за собственной развязности. Почти раскрытый преступник, которому грозит пожизненное лишение Элементарных сил. И, как вскрылось, человек с отвратительной душой, который является таковым и без влияния без-

душной стихии.

Он не просто на дне. Ему потребовалось пробить его и еще десяток под ним, чтобы до него начало доходить, что он пробил его и оказался там, где оказался.

Под пригорком, на котором он останавливается, виднеется скромный двухэтажный дом из светло-коричневого кирпича, окруженный пестрыми рябинами и кованной оградой из причудливых чугунных вензелей, мимикрирующих под потоки воздуха. Дом на юге, в котором Воздушные должны проводить заслуженную беззаботную пенсию, которая не светит Мэттью.

У Эдварда только два варианта.

Первый – принять свою участь и стать человеком. Раз и навсегда потерять доводящее до белого каления, но бесспорно полезное чтение мыслей, дорогие сердцу мгновенные перемещения и полеты, обожаемую невидимость.

Второй – бросить всех и всё.

Оба исхода не устраивают. Первый сулит вечное ощущение неполноценности, второй разобьет сердца тех немногих, кому он нужен, и поселит в пока не родившемся ребенке вечную и неубиваемую ненависть. Мэттью знает, каково это – до иступления ненавидеть своего отца. В последнюю очередь Эдвард желает того же своему сыну или дочери.

Экхарт останавливается возле ворот. Они оказываются закрыты. Неудивительно: сюда приходят лишь те, кто в состоянии перемахнуть трехметровую высоту быстро и без коле-

баний.

Увы, это временно не про Эдварда.

Он ставит носки в пустоты между вензелями, подтягивается и карабкается. Оказавшись наверху, Эдвард перекидывает ногу за ограду, держится за острые колья и прыжком опускается на мягкую землю, чуть не поскальзываясь на мокрой листве. Не в стиле Воздушного так заморачиваться, чтобы проникать на закрытые для него территории.

Оба варианта ему не по душе. Но во втором он хотя бы останется собой.

Прежде, чем бежать, надо узнать, как это сделать. В Солено не скрыться – слишком видная фигура и приевшееся лицо. В Далях ему не дадут покоя Дуалы. Эдвард много раз летал над островом, и знает, где заканчиваются его берега. На всей площади более нет уголка, который не знает человек.

Деревянные половицы крыльца туго скрипят под тяжестью его веса, эхо шагов нарушает тишину уединенного местечка.

Глубокий вдох. Глубокий выдох. Громкий стук в дверь.

Можно было бы скрыться ото всех здесь, на отшибе, в окружении лесов, в практически не тронутой человеком местности. Отец так бы и поступил, если бы не жилец, который слишком упорно держится за жизнь.

Дверь открывается. В появившуюся щель на Эдварда исподлобья смотрит еще более состаренный, стоптавшийся и похудевший Мэттью с почти прозрачными сапфировыми

глазами, правый из который скрыт тяжеловесной пеленой глаукомы.

– Здорово, дед.

Глава 7

Be

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.